

28218
Т.-ФОН БОЗЕ

КАТАСТРОФА

8 АВГУСТА 1918

Государственное военное издательство Москва 1934

Цена 2 руб. 75 коп.

638

V.N. Karazin Kharkiv National University

00337291

9

НАТАС ТРОФАС
АБГВГДЕЖ
1918

g (4) 1914-1918" 084

g (431) 1914-1918" 08"

355.48" 1914-1918"

Т. фон БОЗЕ

КАТАСТРОФА

8 АВГУСТА 1918

Из серии «Сражения мировой войны», издаваемой
Германским государственным архивом

Перевод с немецкого и предисловие И. Салитана

№ 28218
19.12/1935

Государственное военное издательство

Москва — 1935

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА

SCHLACHTEN DES WELTKRIEGES

In Einzeldarstellungen bearbeitet
und herausgegeben

IM AUFTRAGE UND UNTER
MITWIRKUNG DES REICHSARCHIVS

Band 36

DIE KATASTROPHE DES 8 AUGUST 1918

Verfasser: Major a. D. Thilo von
Bose. Bei der Darstellung wur-
den Vorarbeiten des Rittmeisters
a. D. Konrad Herrmann verwertet.

Oldenburg i. O./Berlin 1930

Druck und Verlag von Gerhard Stalling

Т. фон Бозе. «Катастрофа 8 августа 1918 г.» Перев.
с немецкого и предисловие И. Салитана.

Книга содержит описание поражения германской армии на Западном фронте 8 августа 1918 г. Достаточно подробно представлена оборона отдельных участков фронта. Последний период мировой войны, описанный в этой книге, интересен для изучения особенно потому, что обе стороны применили здесь все достижения техники и тактического искусства конца мировой войны.

Изучение книги с этой стороны, а также как исторического документа эпохи мировой войны может быть рекомендовано начсоставу РККА и всем интересующимся историей империалистической войны.

В переводе сделаны небольшие сокращения, относящиеся к «патриотическим» местам изложения.

ПРЕДИСЛОВИЕ

8 августа 1918 г. положило начало ряду крупных сражений, которыми закончилась длившаяся 4 года мировая война. Успешная атака союзников 8 августа на «выступ у Амьена» привела к поражению германцев и отходу их на позиции Гинденбурга. В этих боях германцы понесли тяжелые потери: за один месяц боев с 8 августа по 8 сентября союзники захватили 150 тыс. пленных (в их числе 3 тыс. офицеров), более 2 тыс. орудий, 13 тыс. пулеметов, огромные запасы имущества и продовольствия. Большая масса этих трофеев была захвачена в первый день сражения — 8 августа (стр. 158). 26 сентября союзники переходят в общее наступление, прорывают линию Гинденбурга и рядом успешных сражений приводят германскую армию к капитуляции 11 ноября 1918 г. через 6 дней после вспыхнувшей в Германии революции.

В настоящей книге, которой германский рейхсархив заканчивает издание серии «Сражения мировой войны», излагаются события одного дня — 8 августа.

Перед читателем развернута картина боев каждой дивизии, полка, батальона и даже каждой роты и батареи на всем участке фронта 2-й германской армии, против которой англичане обрушили свой сокрушительный удар. Яркие факты и документы дают отчетливое представление, как фактически протекали бои в последний период мировой войны, в период, когда армии с одной стороны имели за плечами 4-летний опыт ведения боевых действий, а с другой — были насыщены достаточно мощной и разнообразной военной техникой. Для извлечения тактических уроков из опыта мировой войны и главным образом из последнего ее периода настоящая книга дает весьма богатый материал.

Автор очень осторожно подходит к описанию состояния германских войск. Хотя он и дает пессимистическую картину, но в его анализе отсутствует ряд факторов, имеющих первостепенное значение.

На примере 41-й, 13-й пех. и 43-й рез. дивизий показывается слабость германских дивизий и неспособность их противостоять сильному натиску превосходного противника. Но слабость эта якобы лишь от усталости. А усталость от длительных боев, от изнурения, истощения и болезней? Лишь в отдельных местах невнятно говорится «о повышении активности внутригосударственных враждебных сил, которые все более открыто стали требовать прекращения войны». О политических настроениях в рядах германских солдат, несмотря на приводимые им факты, автор не упоминает.

Конечно дело не только в физической усталости. Она сыграла свою роль в поражении германцев, но главное не в этом, главное в политическом развале тыла и фронта.

Доклад подполковника 15-го пех. полка Бергауза, который вез на фронт пополнение, демонстрирует нам самую настоящую «керенщину»,

характеризуя краткими, но яркими штрихами политическое состояние тыла и фронта.

«Дисциплина пала,— пишет Бергауз.— Люди бродили с только что полученными вещами по лежащим вокруг лагеря деревням, чтобы обменивать обувь и прочие редкие тогда вещи на масло и другие продукты. На поверках постоянно было много отсутствующих, которые больше уже не показывались... Уже на этом коротком марше обнаружилась усталость. Когда мы проходили между бараками Зенелагер, из колонны раздались частые выстрелы в воздух... Во время проезда через индустриальный район в воскресенье после обеда дезертировало еще несколько человек... Во время остановок гражданская публика смешивалась с солдатами, чтобы попрощаться со своими родственниками, однако больше всего, чтобы склонить солдат к дезертирству...» (стр. 36).

Прибывающих на фронт солдат командиры частей не решаются сразу вливать в части из боязни разложения фронта, их выдерживают в тылу, пока часть не будет отведена на отдых. Разложение? То, что германский полковник называет «разложением», есть на самом деле политическая активность масс, необычайно возросшая за годы войны, в частности и в рядах германских войск, разъедавшая фронт и тыл и резко снизившая кайзеровскую дисциплину немецкой армии.

Таково было состояние германского фронта, тыла и расположенных в нем запасных частей, питавших фронт пополнением.

Автор сознательно воздерживается от политической оценки состояния германского тыла и фронта. Лишь кое-где невольно, как бы незаметно для себя, он бросает некоторые лучи на эту затененную им сторону вопроса.

Необходимо поэтому хотя бы коротко напомнить о причинах, приведших германскую армию к развалу и к столь жестокой катастрофе 8 августа 1918 г.

Уже к началу 1918 г. экономическое положение Германии было чрезвычайно тяжелым. К сильно возросшей дороговизне присоединился абсолютный недостаток товаров на рынке. Регулирование цен на сельскохозяйственные продукты уже не имело смысла и не достигало цели. Правительство вынуждено было перейти к принудительному изъятию продовольствия на началах разверстки. Но все же продуктов было мало, и тогда пришла спасительная идея заставить народ «поменьше есть». Для ограничения потребления создается система централизованного распределения продуктов. Система эта означает систематическое недоедание широких масс населения. Она привела к росту недовольства и протеста против существующего режима, против войны и связанных с нею неисчислимых тягот и лишений для трудящихся.

В последний период войны продовольственные центры Германии не могли выдавать населению даже минимума сокращенных норм продуктов. Это означало, что Германия окончательно вступила в полосу продовольственной катастрофы.

Вся тяжесть этой катастрофы легла на городской пролетариат и широкие слои разорявшейся мелкой буржуазии. Подпольный рынок, развивший бешеную спекуляцию на продукты, конечно был недоступен трудящимся. Лишь буржуазия и зажиточные слои городского населения, наживавшиеся на войне, имели возможность закупать продо-

вольствие по спекулятивным ценам. Такое положение трудящихся масс стимулировало революционный подъем в стране.

Еще задолго до августа 1918 г. в стране развилось сильное стачечное движение. В январе—марте 1916 г. по официальным данным участвовало в забастовке 3200 чел., в апреле—сентябре 1916 г. число бастовавших дошло до 57 тыс. чел., а в апреле 1917 г. на одних берлинских заводах, работавших на снабжение армии (снарядные мастерские), бастовало 125 тыс. чел. В январе 1918 г. массовая забастовка в Берлине повторилась в еще более грандиозных размерах. Теперь уже бастовало полмиллиона берлинских рабочих, к которым присоединились также и прочие рабочие центры. Германия. Бастовавшие требовали уже не только хлеба, но и мира и политической свободы¹.

Даже Ф. Шейдеман, соратник «кровавой собаки» Носке и прочих социал-фашистских предателей рабочего класса Германии, в своих мемуарах «Крушение германской империи» (Гиз, 1923) вынужден признать, что «условия жизни трудового населения стали положительно невыносимы», что «психика народа изменилась за время войны, а также после русской революции» (подчеркнуто мною — И. С.). Он отмечает нарастание революционного настроения в рядах армии, говорит о вспышках в разных частях страны и предупреждает о грозящих внутренних катастрофах и величайших опасностях. Это говорит Шейдеман, который не склонен преувеличивать факты. Он говорит это с нескрываемой скорбью и злостью и имеет на это веские причины, так как влияние германской социал-демократии, подло предавшей рабочий класс в 1914 г., постепенно падало. Если в начале войны в рядах с.-д. партии было около одного миллиона членов, то уже в 1916 г. осталось всего 356 тыс., количество членов упало на 64%². Одновременно сильно росло движение спартаковцев, которое к началу 1918 г. приняло широкий размах. Вместе с усилением популярности спартаковского движения начинал к себе приковывать внимание рабочих масс и армии Германии советская власть в России.

Октябрьская революция служила главным фактором в деле революционизирования трудящихся масс Германии, как воевавших на фронтах с оружием в руках, так и работавших на военных фабриках и заводах. Вести из России и о России были очень скуды, ибо им с трудом приходилось пробиваться через стену цензуры, но и то, что доходило окольными путями, было достаточным, чтобы германские рабочий и солдат поняли смысл Октябрьской революции в России и воочию увидели пример того, в чем пролетариат воюющих стран должен был искать выход из многолетней империалистической бойни.

В 1916 г. группа «Спартак» начала издавать редактировавшиеся Карлом Либкнехтом и другими «Письма Спартака», явившиеся продолжением запрещенного журнала «Интернационал». «Письма Спартака» вели революционную пропаганду против войны и давали информацию о всех важнейших политических событиях. Эти «Письма» нашли горячий отклик в рабочих массах, они распространялись в огромном количестве

¹ Е. Хмельницкая, Военная экономика Германии (1914—1918). Гиз, 1929 и БСЭ, т. XVI, ст. «Германия».

² БСЭ, т. XVI, стр. 315.

экземпляров и доходили также до окопов¹. Несомненно «Письма» оставили в армии неизгладимый революционный след.

В дальнейшем (вплоть до августа 1918 г.) положение еще больше усугубляется: Америка вступает в войну, продовольственные запасы страны истощаются, голод усиливается, революция в России все более расширяет свое влияние на рабочие массы и армию.

Ленинский лозунг «превращения империалистической войны в войну гражданскую» все сильнее и глубже проникает в революционные массы, наводя страх на растерявшуюся буржуазию и ее лакеев — вождей социал-демократии. В стране усиливается реакция, политическую жизнь страны реакционные круги пытаются зажать в тиски военного положения цензурой и полицейщиной.

О том, что революционное движение в тылу постепенно охватывало и фронт — армию и флот, открыто скорбят также и представители германского генштаба. Небезызвестный ген. Гофман, участник Бреста и в конце войны — начальник штаба всего восточного германского фронта, с горечью и злобой пишет:

«Войска, находившиеся в распоряжении верховного командования весной 1918 г. были бесспорно хороши. Доказано, что коммунисты и социалисты всеми средствами старались подорвать моральное состояние войск. Однако по свидетельству сотен офицеров, которых я по этому вопросу опрашивал, весной 1918 г. в войсках еще не чувствовалось серьезного влияния этой агитации. Хуже обстояло дело в тылу. Распространившийся тут яд правда медленно, но все же проникал в войска, и только под впечатлением длительных, тяжелых боев летом 1918 г. наступило разложение, которое привело к крушению самой доблестной армии в мире»².

Итак, не только «усталость» и «истощение», как говорит Бозе, но и агитационный «яд», о котором говорит Гофман, послужили причинами развала армии.

Брожение армии началось еще в 1917 г. и сказалось в первую очередь на восточном фронте в виде братания с русскими солдатами.

Это особенно важно отметить, учитывая, что германское командование до 8 августа неоднократно перебрасывало с восточного фронта на западный большое число успевших уже «побрататься» дивизий. В ноябре — декабре 1917 г. с русско-румынского фронта на западный переброшено 23 дивизии, в январе 1918 г. — 6, в феврале — 11, в марте — 7. В числе переброшенных дивизий мы видим 43-ю рез. в феврале 1918 г., 117-ю и 119-ю — в ноябре 1917 г., 108-ю — в октябре 1917 г.³, т. е. именно те дивизии, которые действовали в составе разгромленной 2-й германской армии и действия которых автор подробно описывает в настоящей книге.

Кроме того германское командование, по свидетельству того же Гофмана, выбрало всех солдат младших возрастов из дивизий, оставшихся на восточном фронте, и перебросило их также на западный фронт.

По этому поводу Гофман пишет:

¹ БСЭ, т. XVI, стр. 342.

² Ген. Гофман, Война упущенных возможностей. Гиз, 1925, стр. 197.

³ С. М. Белицкий, Стратегические резервы. Гиз, 1930, стр. 161—165.

«Я того мнения, что именно эта переброска отдельных солдат из войсковых частей восточного фронта на западный имела роковые последствия. Большевистская пропаганда оказывала несомненно влияние на армию. Если старая дисциплина объединяла еще войска, если еще можно было положиться на войсковые единицы в целом,¹ то уже нельзя было к сожалению помешать тому, что отдельные люди, недовольные тем, что их вырвали из своих частей и со спокойного фронта и послали на новые бои, распространяли яд большевистских теорий, с которыми они познакомились на востоке. Таким образом проникали в армию, сражающуюся на западном фронте, элементы разложения, встречавшие особенно благоприятную почву в солдатах, переутомленных длительными, тяжелыми боями²».

Это признание вряд ли требует комментариев. Нельзя не согласиться с ген. Гофманом, что именно этими путями в первую очередь шло революционизирующее влияние Октябрьской революции в России на германских солдат, влияние, бурно распространявшееся по всей стране.

Кильское восстание матросов совместно с рабочими 4 ноября, закончившееся захватом Кили и военных кораблей, и последовавшее на другой день — 5 ноября — организованное восстание и захват Любека, Гамбурга и Бремена, восстание 7 ноября в Мюнхене и революция 9 ноября в Берлине. — все это не было случайностью. Еще с начала июля в Вильгельмсгафене был создан Центральный совет германских моряков, который, ведя активную пропаганду в войсках против правительства, немало способствовал подготовке ноябрьских событий. Его активная работа в войсках сразу стала настолько чувствительна, что уже 8 июля военный министр писал армиям директиву о необходимости применять к «неповинующимся» самые суровые наказания.

Таким образом, рассматривая события 8 августа, подробно излагаемые с военной стороны в настоящей книге, читатель должен ясно представлять себе политическое состояние тыла и фронта, для того чтобы правильно оценивать каждый описываемый боевой эпизод и всю совокупность боев этого дня в целом. Описание подполковником Бергаузом состояния дисциплины в маршевых ротах лагеря Штаумюле (стр. 36), выдержки из которого мы выше приводили, есть по существу фотография многих и многих войсковых частей как запасных и расположенных в тылу, так и действующих на фронте.

Если рассматривать поведение германских войск в день 8 августа и позднее в свете изложенного, то станет ясным, почему лейтенанту Френцмейер пришлось с револьвером в руках задерживать бежавших с фронта солдат (стр. 120), почему шедшая к фронту из резерва 109-я пех. дивизия встретила у Гарбоньер бежавший в беспорядке «безоружный сброд» (стр. 141), почему генералу Гефер удалось «остановить поток бежавших назад людей и частей «лишь» чрезвычайно энергичными действиями» (стр. 145), почему шедшим в контратаку частям бежавшие солдаты кричали «штрейкбрехеры», «мало им еще

¹ Это утверждение в отношении «войсковых единиц в целом» красноречивее всего опровергается фактами повального бегства с фронта во время боев 8 августа целых частей, фактами, которых немало приводит Бозе в настоящей книге. — И. С.

² Гофман, стр. 199.

войны» и т. д. и т. д. Этих примеров в книге достаточно много. Они носят характер общего явления и являются звеньями одной цепи.

Эти солдаты, организованными группами бросившие фронт и бегущие назад, активно сопротивляясь всяческим попыткам снова бросить их в бой, вряд ли являются теми дошедшими до тупой покорности «живыми трупами», о которых так талантливо, но не совсем верно, рассказал нам Ремарк. Нет, это живые люди, пробужденные в своем сознании, которые теперь не захотели воевать. И не столько потому, что они «устали», а потому, главным образом, что они поняли наконец, в чьих интересах велась эта многолетняя кровавая империалистическая бойня. За свои классовые интересы они в дни ноябрьского восстания не задумались поднять оружие и отнюдь не обнаружили усталости.

В этом одна из основных причин того, что союзные войска так легко добились победы в размерах, которых они сами не ожидали.

Союзные войска, как об этом свидетельствует даже «сам» Пуанкаре в своих мемуарах, тоже не отличались боеспособностью и политической устойчивостью. Физическое истощение в их рядах дошло до высоких пределов. У французов не было пополнения, пришлось расформировывать ряд дивизий. Несколько сильнее были англичане, которые обладали большой техникой и не были истощены, как французы. Но и в рядах англичан мы видим австралийцев, атака которых захлебывается при слабом сопротивлении германцев (см. описание боя на горе Канал, стр. 91).

Без американцев союзники несомненно не были уверены в возможности сломить германцев. Хотя разведка второго отдела главной квартиры тщательнейшим образом изучала положение германской армии, все же до 8 августа эта армия казалась союзникам еще сильной, и тех симптомов разложения, о которых мы выше говорили, эта разведка отчетливо не замечала. Генерал Роулинсон, командовавший 4-й английской армией, в своем предисловии к книге Монгомери, цитируемой автором на страницах настоящего труда, пишет: «В конце июля 1918 г. силы противников на западном фронте после четырех лет беспримерных сражений все еще стояли друг против друга, причем ни у одной из сторон не было решающего перевеса».

Только 8 августа воочию показало союзному командованию, чего стоят германские войска и насколько было переоценено их состояние. Генерал Роулинсон в том же предисловии говорит, что «победа 4-й армии у Амьена с захватом 16 000 пленных и 400 орудий была первым указанием на истинное положение вещей в неприятельском лагере».

Германское верховное командование также неправильно оценивало состояние своих войск. До последнего момента, накануне катастрофы, Людендорф все еще мечтает о наступательных операциях. Между тем единственная возможность закончить компромиссом войну была до выступления Америки.

Ленин в своей речи на I Всероссийском съезде советов 17 июня 1917 г. дал абсолютно точный прогноз: «Германия стоит на краю гибели и после выступления Америки, которая желает скушать Мексику и которая завтра вероятно вступит в борьбу с Японией,—после этого выступления положение Германии безнадежно» (том XX, стр. 485).

Но германцы хотели раньше добиться успеха в наступательных опе-

рациях, а затем говорить о мире. Это им не удалось, как об этом говорит Людендорф в своих воспоминаниях. Но это им и не могло удалиться.

Незнание состояния своих войск обнаружил и Гинденбург.

Немецкий автор Бруно Брем в своей книге «Это был конец» приводит диалог между Людендорфом и Гинденбургом днем 8 августа, когда были получены тревожные сведения с фронта.

Гинденбург вошел в кабинет Людендорфа и у оперативной карты выслушал его «короткий, сжатый, ясный и четкий» доклад.

— Положение довольно скверное, — сказал Гинденбург, когда Людендорф закончил, — однако мы во время Брусиловского наступления пережили еще более серьезные первоначальные успехи противника.

— Но эта атака, — нетерпеливо возразил Людендорф, — перепутывает все планы.

— Против подобных первоначальных успехов под Камбре, у Арраса и у Витшате мы все же нашли средства и пути, — гласил ответ Гинденбурга на возражение Людендорфа¹.

8 августа, — восклицает Людендорф, — представляет самый черный день германской армии в истории мировой войны». Эта дата не совсем точная. «Черный день» начался с момента морального и политического развала армии, который германским верховным командованием не был своевременно замечен, несмотря на наличие тревожных симптомов. Этим и объясняется, что Людендорф был «поражен» теми жуткими сведениями, которые привез ему 8 августа специально командированный на поле сражения офицер генерального штаба и которые ему рассказали затем начальники дивизий и строевые офицеры, вызванные им в Аден. «Я услышал от них о блестящих подвигах храбрости, но также и о действиях, которые, должен откровенно сказать, не считал возможными в германской армии: наши солдаты сдавались отдельным неприятельским всадникам, сомкнутые части складывали оружие перед танком и т. д. Шедшим в атаку частям отступавшие солдаты кричали «штрейхбрехеры». Все это наивные офицеры объясняли «недисциплинированностью», зато более прозорливые правильно связывали такое поведение с «духом», с которым наши солдаты прибывали с родины».

14 августа, через 6 дней после «черного дня», Гинденбург на совещании в Spa с канцлером и министром иностранных дел в присутствии Вильгельма вынужден был заявить, что боеспособность германской армии пала, что Германия уже не может противостоять союзникам и нужно решительно добиваться мира дипломатическим путем.

До какой степени разложения дошли части, видно из приказа Людендорфа в начале сентября, который мы заимствуем из книги Монгомери:

«Начальник штаба полевой армии № 10144. Секретно 3/9/18.

Согласно полученным из Германии известиям за последнее время участились случаи, когда солдаты, отпущенные в отпуск на родину, в своих рассказах высказывают мнения, граничащие с государственной изменой, и подстрекают к неповиновению. Подобные случаи накладывают тень на честь всей армии и каждого ее чина в отдельности и имеют ужасное влияние на дух всего народа.

Нет сомнения, что подобного рода явления происходят от извест-

¹ Bruno Brehm, Das war das Ende. Berlin, 1933, S. 251—252.

ной доли раздражения, переходящего в понятную злобу при виде легкомыслия, утомления войной и упадка духа, которые к несчастью так распространены на родине. Для противодействия изложенному совершенно достаточно тщательно объяснить солдатам все последствия таких необдуманных действий, причем необходимо подчеркнуть, что, проезжая по стране, солдат обычно видит только одну внешнюю сторону события, в то же время не имея возможности наблюдать проводимую на родине честную работу и ожесточенную борьбу.

Повидимому все же некоторые лица сознательно ведут себя враждебно государству. Для пресечения этого необходимо принять энергичные меры.

Поэтому я приказываю:

- 1) Об изложенном объявить всем чинам армии.
- 2) Подозрительных солдат лишать отпуска.
- 3) Объявить солдатам, что властям на родине приказано принимать немедленные меры в подобных случаях, причем им даны полномочия тотчас же возвращать сопротивляющихся в свои части, где на них будет наложено взыскание, а в некоторых случаях они будут отданы в дисциплинарные роты.

Людендорф».

Автор книги Тило фон Бозе, перенеся в своем исследовании центр тяжести на описание тактических боевых действий, мало уделил внимания анализу тех вопросов, которые мы выше затронули. Но без уяснения политической обстановки, сложившейся в германской армии к осени 1918 г., описание и понимание событий 8 августа невозможно.

Тактические действия германских войск с исчерпывающей полнотой изложены автором на страницах труда. В действиях отдельных частей сказывалась еще прежняя боевая выучка германцев. Несмотря на потерю управления, разрыв связи и изолированность частей с первых же минут боя, некоторые части под влиянием личного примера офицеров на отдельных участках и этапах боя пытались оказать некоторое сопротивление, но оно быстро рассеивалось, уступая натиску противника. Кое-где давали себя знать германские пулеметчики, прославившиеся своим упорством во время войны. Но все это были лишь отдельные вспышки угасавшего воинского «духа», и они почти незаметны на фоне сплошного бегства всего фронта. Явное нежелание всей массы войск воевать сказалось в большом количестве потерь пленными и гораздо меньшем числе убитых и раненых. От общего количества потерь $\frac{2}{3}$ падают на пленных и лишь $\frac{1}{3}$ на убитых и раненых.

Следует обратить внимание читателя на ряд оперативных и тактических уроков, вытекающих из сражения 8 августа.

Обороняющаяся сторона не смогла своевременно выровнять фронт и поэтому к 8 августа его конфигурация сложилась очень невыгодно для германцев. Фронт имел исходящий угол, наличие которого нередко на протяжении военной истории приводило к оперативным неудачам. Чрезвычайная растянутость фронта вызвала парезку широких участков дивизиям и полкам и сильное разрежение фронта, т. е. слабую насыщенность оборонительных полос живой силой. Это было тем более чувствительно, что части были в большом некомплекте (см. например боевой состав частей 41-й пех. дивизии — стр. 33,

13-й пехдивизии — стр. 35, 43-й рез. дивизии — стр. 37). Предвзятое предположение, что противник в ближайшее время не перейдет в большое наступление, и упорные стремления продолжать атаки Амьена были причинами того, что германское командование, не желая отдать противнику ни одного метра территории, не удосужилось своевременно придать фронту оперативно более выгодную конфигурацию, что видно из разговора Людендорфа с майором Ниман (стр. 22). Более благоразумно поступили французы, когда, зная о готовящейся германцами атаке в районе Реймса, они своевременно отошли назад и германская атака 15 июня была произведена по пустому месту. Такой же пустой могла быть и атака англичан 8 августа, если бы германцы, оставив слабые части, отошли на более удобные позиции без резко выдающихся к противнику участков и с меньшим общим протяжением по фронту. Однако немецкое командование, не зная о готовящейся атаке, никаких мер не предпринимало.

Наступающая сторона исключала из своего плана всякие сложные маневры. Прямолинейность движений, точный расчет продвижения огневого вала и пехоты, рассчитанность действий не только по часам, но и по минутам, атаки прямо перед собой в точно вымеренных полосах, резко обозначенных границами, частые предусмотренные планом смены частей по выполнении каждой из них своей небольшой роли в операции, — все это характеризует действия союзников. Педантизм в выполнении плана частями доходил до того, что намеченные остановки на рубежах, несмотря на потерю времени, производились даже тогда, когда германцы бежали и их нужно было стремительно преследовать. Оперативная инициатива командиров соединения зажата в тиски плана. Ставка делается на внезапность, превосходство в живой силе и технике, на мерную тяжелую поступь вперед с последовательными ударами на различных участках фронта, на изнурение противника и концентрическое наступление по сходящимся линиям.

План Фоша был последователен, методичен и осторожен. Не зная подлинного состояния войск противника и переоценивая его силы и возможности, Фош не хотел рисковать попыткой сокрушительного удара. Эта осторожность Фоша, в результате которой на то, чтобы «добить» разгромленных 8 августа германцев, потребовалось еще целых 3 месяца, резко критикуется как германскими, так и некоторыми советскими военными авторами.

Риттер¹ например считает, что Фош еще 18 июля, достигнув в атаке огромного тактического успеха, не использовал его. Он бросает ему упрек: «*Vincere seis, Hannibal, victoria uti neseis*»².

Немецкий автор Отто Ф. Мозер не видит в плане Фоша ничего гениального и не признает поражения германцев.

«Немецкая армия была побеждена не полководческой гениальностью противника, она отступала под давлением превосходных сил противника, подталкиваемых с помощью многочисленных машин, в особенности танков, но не была ни уничтожена, ни рассеяна. В этом смысле можно с правом считать, что немецкая армия не была побеждена на поле

¹ Риттер, Критика мировой войны, стр. 193.

² «Умея побеждать, Ганнибал, ты не умеешь пользоваться победой».

сражения»¹. Здесь автор в патристическом угаре прокламирует пресловутый послевоенный лозунг Германии — *«Im Felde nicht besiegt»* («В поле не разбиты»). Критикуют план Фоша также и некоторые советские авторы — А. Зайончковский, А. Базаревский, В. Ф. Новицкий. Последний в своем предисловии (пользуюсь рукописью) к изданному переводу труда Монгомери особенно резко обрушивается на «осторожность» плана Фоша, считая его чуть ли не патологией военного искусства.

Французские авторы (Корда и др.) придерживаются прямо противоположных взглядов и восхваляют гениальность плана Фоша.

В разнохарактерной оценке плана Фоша особенного внимания заслуживает концепция А. Вольпе («Фронтальный удар», Воениз, 1931), который, признавая несколько «излишнюю осторожность» этого плана, находит в нем «новую своеобразную систему последовательных операций», которая наряду с типом «последовательных операций в глубину» дает нам также образец нового типа «последовательных операций по фронту». А. Вольпе доказывает это весьма убедительно.

Проводя в жизнь план Фоша, необходимым условием которого являлась внезапность, англичане тщательно готовят атаку 8 августа, показывая отличный пример оперативной маскировки. Приняты все меры к обеспечению скрытности, даже свои войска до 6 августа ничего не знают. Несмотря на господство союзной авиации в воздухе, для сосредоточения используются ночи. Расположение артиллерии на огневых позициях производится почти непосредственно перед атакой, а ураганный огонь открывается без пристрелки. Отлично удался ложный маневр канадского корпуса. С целью отвлечения внимания и создания видимости подготовки к обороне союзники ни на одну минуту не прекращают усиленных работ по укреплению тыловых позиций.

В результате — в течение 8 дней 14 дивизий пехоты, 3 дивизии конницы, более 2000 орудий и около 450 танков сосредотачиваются на фронте в 15 км в непосредственной близости от ничего не подозревающего противника. Союзники имели всего две железные дороги, но за эти 8 дней по ним прошли 230 специальных поездов с войсками и орудиями, более 60 специальных поездов с боевыми припасами и кроме того обычное количество поездов с продовольствием и инженерным имуществом. Весь этот поток поездов прикрывался непосредственно в воздухе авиацией.

Оперативная подготовка решительного наступления ведется союзниками в течение длительного периода времени. Еще с 11 июня начались местные атаки австралийцев, которые последовательно овладевают одним за другим выгодными пунктами, как только германцы успеют их кое-как укрепить. Таким образом сокращалось число сильных укреплений в полосе предстоящего наступления. Длительный и зачастую непрерывный артиллерийский обстрел нередко химическими снарядами доводил войска (как показывают приводимые в книге записки многих офицеров) до полного изнурения и исключал возможность производить какие бы то ни было работы, иногда даже и в ночное время.

¹ Отто Ф. Мозер, Краткий стратегический обзор мировой войны 1914—1918 гг., ВВРС, 1923 г., стр. 154.

Артиллерия применила удачный прием «огневого вала», оправдавший себя в июльском наступлении французов. Этот прием оказался для германцев как-будто неожиданным, хотя сами германцы в том же 1918 г. при подготовке к большому весеннему наступлению провели по распоряжению ставки на артиллерийском полигоне в Мобеже ряд опытов по применению такого огневого вала¹. И все же в день 8 августа германцы ждут «артиллерийской подготовки», удивляясь, что вслед за открытием артиллерийского огня пехота противника уже захватывала окопы, а танки находились в районах командных пунктов и артиллерийских позиций.

Небезынтересно отметить, что в результате указанных опытов германская ставка пришла к заключению, что задача огневого вала состоит в нейтрализации противника, но не в его уничтожении, ибо после прохождения огневого вала, как бы он ни был густ, пулеметы противника оживут и окажут наступающему сопротивление. На примере боев 8 августа мы видим, что это действительно так. Оставшиеся и ожившие германские пулеметы были подавлены лишь следующей за огневым валом пехотой и танками. Следовательно нельзя переоценивать силу огневого вала. Бывший начальник штаба швейцарской армии Э. Зондеррегер по опыту боев 1918 г. устанавливает, что наступления французов 1918 г. даже «против слабых занятых германских позиций без убежищ и с редкими несовершенными препятствиями удавались только там, где сохранение тесного контакта с огневым валом или поддержка пехоты значительным количеством танков защищали ее от малочисленных германских пулеметов». Отсюда он приходит к выводу, что «даже при слабо организованных позициях наступление пехоты в большом масштабе невозможно без артиллерийской подготовки или артиллерийского сопровождения, если пулеметы противника готовы к ведению огня»².

Прием, примененный 8 августа союзниками, довольно точно описывает Монгомери: в начале атаки завеса быстро переносится вперед, затем продвижение замедляется и становится более постоянным по мере хода самого наступления. Иначе говоря, на первых 250—400 шагах завеса продвигается на 120 шагов каждые 2—3 мин., затем быстрота переноса завесы замедляется до 120 шагов в 4 мин. на удобной местности; при наличии же каких-либо искусственных или естественных препятствий быстрота движения завесы еще более замедляется и доводится до 120 шаг. каждые 6 или даже 8 мин. На опыте 100 дневных боев, начатых 8 августа, Монгомери утверждает, что «пехота, моральное состояние которой позволяет ей держаться непосредственно за завесой, даже с риском некоторых потерь от собственной артиллерии или пулеметов, в конце концов будет выходить победительницей из всех сражений при наименьших потерях».

Желая изучить характер применения и природу огневого вала, нельзя пройти мимо 8 августа, дающего классический образец применения этого тактического приема.

Несмотря на то, что артиллерия лишь 6 августа занимает свои огне-

¹ Иохим, Подготовка германской армии к большому наступлению во Франции весной 1918 г., вып. III, Артиллерия. Военгиз, 1932, стр. 38—39.

² Зондеррегер, Наступление пехоты и стратегическая операция. Военгиз, 1932, стр. 13.

вые позиции, данные для ведения огня на поражение без пристрелки по германским батареям, пулеметам, командным пунктам и прочим важным целям подготовляются заранее. Это дало англичанам возможность несмотря на туман (он оказался лишь выгодным) сразу обрушиться на противника сокрушительным огнем. А германские батареи, огневые позиции которых давно точнейшим образом нанесены на французские карты, успокаивают себя тем, что они «не обнаружены». Но здесь необходимо указать, что лишь наличие большого количества танков позволяет англичанам применить новый метод использования артиллерии, уже испытанный французами в предыдущих операциях и не учтенный германцами. Как правильно говорит Гаскуэн:

«В 1918 г. тяжелая артиллерия, старая и новейшая средних калибров, применяется исключительно для поддержки и обеспечения атак, но не для их подготовки; неожиданно обрушивая свой сокрушительный огонь, она давала возможность осуществить в то же время неожиданный удар пехоты»¹.

Наоборот там, где танков нет или их мало, артиллерийская подготовка неизбежна. Например 42-я, 37-я и 66-я дивизии XXXI французского корпуса, атаковавшего 8 августа непосредственно южнее 4-й английской армии на Мезьер, не имея танков, даже при наличии тумана, вынуждены подготовить атаку пехоты чрезвычайно сильной артиллерийской подготовкой в течение 45 мин. и начать атаку на час позже англичан.

Наряду с отличной работой артиллерии французов и англичан германская артиллерия в боях 8 августа действовала очень плохо. Несостоятельной нам кажется ссылка автора на туман. Ведь могли же англичане и французы даже в тумане безошибочно поражать германские батареи. Тем более могла заранее подготовить сильный заградительный огонь и пристреляться и германская артиллерия. Ее сильный заградительный огонь с началом атаки несомненно повлиял бы на темп и первоначальный успех последней и дал бы возможность пехоте хоть кое-как сорганизоваться. Но заградительный огонь германцами почти не открывался, а там, где он был открыт, он начался с опозданием, когда первые эшелоны атакующего были уже на переднем крае. Да и этот огонь ведется всего несколько минут, потом умолкает.

Связь между артиллерией и пехотой базировалась исключительно на телефон, собак не было, станции телеграфирования через землю не работали, а сеть радиостанций в то время была еще очень скудна и применялась преимущественно для связи между штабами.

Напрашивается вопрос: достаточно ли вообще была неспособна германская артиллерия ко дню 8 августа? В отношении материальной части ответ на это можно найти в даваемой автором оценке состояния 58-го, 151-го, 146-го и других артиллерийских полков. В отношении личного состава характерными являются эпизоды, подобные разыгравшимся на участке 137-го полка, где артиллеристы «с тяжелым сердцем» бросают противнику 41½ батареи. Автор приводит доводы, в силу которых эти батареи нельзя было вытащить. Но не действовали ли и здесь те же «враждебные силы», под влиянием которых в один только

¹ А. Гаскуэн, Эволюция артиллерии во время мировой войны. Гиз 1931 г., стр. 117.

день 8 августа германцы бросают и отдают англичанам 400 орудий? Ведь по свидетельству того же ген. Гофмана при изъятии из частей восточного фронта одиночных бойцов для переброски на западный фронт «...особенно тяжело пострадала артиллерия. Из каждой батареи забрали всех более или менее боеспособных солдат»... «для доукомплектования артиллерийских частей западного фронта». А с какими настроениями они пришли на западный фронт после «соприкосновения» с духом Октябрьской революции, нам уже известно.

В области связи 8 августа дает также ряд уроков. «...уже в течение первой четверти часа вся телефонная сеть почти целиком замолчала в той части, которая тянулась от линии полковых командных пунктов к фронту и соседям» (стр. 43). Усердная работа телефонистов не исправляет положения. Востановленные линии тотчас же снова рвутся танками и артиллерией. «Лишь отдельные радиостанции кое-как работали» да еще «испытанные бегуны» оставались верным средством связи. Собаки, как мы уже выше указали, германцами не применялись, да и вряд ли в этой какофонии боя на их действие можно было рассчитывать, голуби же из-за тумана сразу после пуска возвращаются обратно (стр. 93). Опыт 8 августа показывает, что в бою, где участвуют сильная артиллерия и много танков, самая ненадежная связь — проволочная (см. стр. 51 и др.). Лишь усовершенствованная радиосвязь может служить более или менее надежным средством связи.

Танки по мнению германцев являются одним из главных виновников их поражения. Несомненно, что подготовка танковой атаки может быть поучительной и для сегодняшнего дня, но что касается характера применения танков, то он заслуживает лишь исторического интереса. Англичане очень серьезно подошли к подготовке танковой атаки. Для достижения прочного взаимодействия пехоты с танками организуются совместные учения пехоты и танковых частей с использованием опыта атаки австралийцев 4 июня у Гамеля. Сосредоточение танков производится с исключительной скрытностью. Нужно сказать, что в условиях современных средств разведки и наблюдения такое скрытое сосредоточение массы танков чрезвычайно затрудняется. Даже при обеспечении полного господства в воздухе все же в германские штабы проникают отдельные отрывочные сведения о сосредоточении танков; правда эти сведения германское командование не сумело должным образом оценить и отнеслось к ним с недоверием.

Монгомери указывает, что шум движения танков заглушался самолетами. Более подробные сведения об этом находим у Фуллера¹.

Здесь мы узнаем, что обеспечение сосредоточения танков на исходной позиции и непосредственная поддержка танков в бою выполняются целой эскадрильей № 8, которая еще 1 июня 1918 г. была прикомандирована к корпусу танков и проводила с ним в тылу учения по взаимодействию. 8 августа самолеты этой эскадрильи были в воздухе уже в 2.00 ночи и летали над неприятельскими позициями в течение последнего часа движения танков, для того чтобы заглушить шум их машин. Замаскировав сосредоточение танков на исходной позиции для атаки, эскадрилья высылает новые самолеты, которые систематически сообщают танкам о ходе боя, и в дальнейшем поддерживают их бомбометанием с воздуха.

¹ Фуллер, Танки, ВВРС, 1923 г.

Связь самолетов с танковыми частями не была усовершенствована. К концу июля в результате упорных опытов по применению радиосвязи земли с воздухом англичанам удалось добиться установления связи с самолетом, летящим на небольшой высоте (600 м), но этот способ связи до августа не вышел еще из стадии экспериментирования и 8 августа применен не был. Связь в этот день поддерживалась посредством сигнальных дисков по специально разработанному коду сигналов, при помощи которых самолеты указывали танкам направление движения и объекты атаки.

Тактические действия английских танков, повторяем, могут интересовать нас лишь с точки зрения изучения истории развития этого вопроса. Несмотря на большое количество танков, они принадлежали к старым типам («Уиппет»), чрезвычайно медленно двигавшимся и весьма далеким по своим качествам и свойствам от тех, которыми армии вооружены теперь. Неуклюжие английские танки не вызывали особого страха у германцев. Хотя победа 8 августа далась англичанам довольно легко, но в отношении танков недешево. Даже при отсутствии хорошей организации противотанковой обороны и при наличии густого тумана германцы в один день 8 августа подбивают 100 танков, т. е. 25%. Бои 1918 г. вообще сопровождались большими потерями в танках. Французская армия в бою 18 июля ввела в действие 225 танков, из них оказались подбитыми 102 (45%), причем 62 танка подбиты артиллерией¹. После 8 августа 10-я армия Манжена, действовавшая к северу от Суассона, от 20 августа по 17 сентября из 480 танков теряет выведенными из строя 215 (почти 50%)². Как 8 августа, так и в других боях танки подбиваются главным образом потому, что они медленно двигаются и действуют в одиночку или небольшими группами. Современные быстроходные танки, действующие в массе, обеспеченные мощной самоходной артиллерией и надежно прикрытые с воздуха, вряд ли будут нести такие большие потери от артиллерии.

Заслуживают интереса действия авиации. Большую роль в деле успеха 8 августа сыграло достигнутое господство в воздухе, которое пришло не сразу, а потребовало длительного периода времени.

«В предшествовавшие 8 августа недели задачей нашей авиации было завоевать господство над авиацией противника. Это было достигнуто с большим успехом», рассказывает Монгомери (стр. 24). И если майор Лидинг еще в июне наблюдает ежедневные воздушные бои, в которых германские летчики сбивают много неприятельских самолетов (стр. 34), то уже в июле капитан Мейснер очень редко видит действия германских летчиков, ему кажется, что «также и в воздухе противник безусловно имел десятикратное превосходство» (стр. 33). И достаточно посмотреть сводку 6-й германской армии от 7 августа (стр. 24), чтобы увидеть печальное положение германской авиации и господство союзной авиации в воздухе. Уже ничто не может препятствовать английским самолетам разведывать, нести службу связи, бомбардировать батареи, задерживать и разгонять подходящие германские резервы. В бою 8 августа авиация выполнила большую непосред-

¹ Базаревский, Мировая война 1914—1918 гг., т. II, Военгиз, 1926, стр. 106.

² Н. Капустин, Оперативное искусство в позиционной войне. Военгиз, 1927 г.

ственно боевую работу, чем в очень большой степени содействовала наземным войскам развить первоначально достигнутый успех. Если бы не эти боевые действия авиации, возможно потери англичан в танках были бы большие, а германские резервы были бы подтянуты быстрее и в менее расстроенном виде.

Тактическое положение германских частей вряд ли сулило им успех в обороне. Не говоря уже об отсутствии элементарных укреплений, даже боевые порядки никуда не годились. В этом конечно не вина частей. Тем, что они имели, они лучшего достичь не могли. Каковы же слабые места боевого расположения германских частей: нет глубины, мало резервов, передний край — тонкая, жидкая и к тому же прерывчатая ниточка; в интервалах никем не наблюдаемая высокая трава; в боевом охранении больше сил, чем на главной позиции сопротивления.

Германские штабы высокой школы, образец большого искусства и четкости в штабной службе, — по инерции изошряются еще в составлении красивых схем расположения своих частей. Однако за этими схемами, за нанесенными на них жирными обозначениями войск — роты по 25—30 штыков, батальоны по 150 бойцов обороняют чрезвычайно расширенные фронты. Ротами зачастую командуют фельдфебели, обозначенные на схемах батареи не существуют. Упражняясь в писании многочисленных приказов и директив, штабы запутывают ясные вопросы, так например систему заградительного огня, в которой командиры батарей не могут разобраться (стр. 31).

«К чему был весь этот ворох приказов, особых инструкций планов оборудования, если это оставалось пустыми воздушными замками, ибо ни один человек не был в состоянии проделать все то, что в них требовалось. Присылались карты, на которых очень красиво были обведены синими линиями запасные позиции, непроходимые долины, запасные огневые позиции артиллерии и т. д. Также в траве лежали белые полосы в местах, где все эти вещи должны были бы быть. Но где взять рабочую силу, которая для всего этого потребна. В большинстве все это было сущими пустяками» (стр. 31).

Трудно лучше этого артиллерийского офицера охарактеризовать и оценить степень прочности тактического расположения германцев.

Германские штабы подконец зарывшись в канцелярское крючкотворство безнадежно отрываются от жизни, а в день 8 августа теряют всякую связь со своими частями и не могут ни управлять боем, ни влиять на его ход. Это не была дисквалификация, высокая школа за штабами осталась, но их «работа» была уже движением в сторону наименьшего сопротивления, падением по наклонной плоскости, под гнетом жуткой и безнадежной действительности.

Сражение 8 августа — это сражение армий с высокой материально-технической насыщенностью. Количество сосредоточенных на узком фронте 4-й английской армии войск и технических средств борьбы близко к современным нормам насыщения фронта на решающих направлениях.

4-я английская армия по своему составу приближается к тому, что понимается под ударной армией. И хотя этой ударной армии пришлось 8 августа действовать против слабого во всех отношениях противника, тем не менее изучение боевых событий 8 августа в районе Амьена в оперативном и тактическом отношении не может не представлять

для нас исключительного интереса, поскольку эта амьенская операция 1918 г. является одной из наиболее решительных операций в мировую войну.

Недостатком книги является отсутствие описания боев со стороны противника. Разбор действий англичан дан в книге начальника штаба 4-й английской армии Монгомери, которую автор неоднократно цитирует. Однако в ней собственно 8 августа уделено мало места.

1918 год в нашей литературе освещен слабее, чем начальный период войны. И особенно слабо разработаны описания финальных операций. В этом смысле настоящая книга восполняет большой пробел в нашей литературе по истории мировой войны.

И. Салитан. .

I. РАЗВИТИЕ ОБЩЕЙ ОБСТАНОВКИ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ С 21 МАРТА ДО НАЧАЛА АВГУСТА 1918 Г.

21 марта 1918 г. германские армии Западного фронта начали «великое сражение во Франции». Их надежды решительным ударом против англичан достичь окончательной победы имели полное основание. Недаром уже по прошествии первых пяти дней создалась обстановка, о которой не кто иной, как сам маршал Фош, впоследствии признался:

«Кризис был наипаснейшим во всей мировой войне, так как германцы разбили северный фланг союзных армий, овладели портами Ламанша и могли выиграть войну».

Когда затем 30 мая германские ударные дивизии в своем неожиданном быстром победном движении через Шмен-де-Дам, через Эн и Вель вторично за время этой великой битвы народов появились на Марне, тогда снова затрепетал Париж и еще настойчивее, чем до сих пор, раздался со стороны государственных и военных деятелей Антанты направленный к президенту Вильсону клич об оказании из-за океана быстрой и сильной помощи.

В самом деле: германская армия в обеих боевых операциях достигла таких тактических и материальных успехов, которых не удавалось еще достичь ни одной из воюющих сторон. Однако самый последний и решительный шаг на пути к достижению оперативной победы ей уже сделать не удалось. Истощенные неслыханным напряжением наступавшие армии залегли на дугообразном фронте (схема 1), вклинившимся далеко в глубину неприятельской оборонительной полосы, между Аррасом и Нуайоном, до линии западнее Альбер-Морейль-Мондидье, между Ипром и Ла-Бассе впереди линии Кеммель-Мервиль и наконец между Нуайоном и Реймсом до лесного массива, что у Виллер-Коттере, и вплоть до Марны. Таким образом образовались дважды и трижды удлинненные фронты, требовавшие колоссальных сил, обладавшие чувствительными флангами и тяжелыми условиями подвоза подкреплений. Если бы достигнутые поныне успехи привели к оперативной победе, тогда было бы осуществлено уже давно подготавливавшееся второе генеральное наступление против англичан во Фландрии — Фландрская операция¹. В целях создания для этого благоприятной обстановки верховное командование предприняло новый энергичный нажим по обеим сторонам Реймса. Однако над этим предприятием сияла несчастливая звезда. Как только 15 июня началась атака, противник, будучи хорошо осведомлен о планах германцев, отошел на тыловую позицию к востоку от Реймса. И западнее

¹ Фландрская операция в немецком тексте названа условно «операция Гаген» (Hagen-Unternehmen).

ственному воздействию противника на нашу главнейшую линию подвоза восточнее Суассона. Весь дугообразный фронт на Марне стал отныне чрезвычайно угрожающим, и верховное командование с болью в сердце вынуждено было решиться на отвод войск с Марны до самой р. Вель. Вплоть до 2 августа маневр был выполнен вполне планомерно и без каких-либо значительных потерь в людях, материальной части и припасах, и все-же с этим отходом для всего мира стало очевидным поражение германцев. К сожалению в лагере противника очень рано узнали, какое значение имеет этот успех их оружия.

«Благодаря тому, что французы оказались способными провести такое успешное контрнаступление, после того как неоднократно уверялось, что главная масса их резервов уже израсходована, доверие к германскому командованию было значительно поколеблено и не только в самой армии, но и в массах германского народа»¹.

Еще многозначительнее было второе решение верховного командования, к которому оно должно было прийти 21 июля.

«Наступление во Фландрии не могло привести к быстрому и решительному успеху. По всем признакам противник был к нему подготовлен. Если он и здесь ускользнет, как восточнее Реймса, тогда мы здесь решительной победы не достигнем. Если же он будет обороняться, тогда его многочисленные резервы будут в состоянии нас задержать. Верховное командование решило от этого наступления отказаться, а фронту Рупрехта приказать перейти к обороне»².

Этот отказ от Фландрской операции означал не что иное, как завершение всего нашего существовавшего до сего времени оперативного плана. Он потерпел крушение. Через полных 4 года после начала войны снова весь Западный фронт застыл в чистой обороне. Дать отдых сильно пострадавшим в июльских боях дивизиям, пополнить их поредевшие ряды (для этого нужно было расформировать почти десять дивизий) и укрепить оборону на главных участках фронта — это были наши главнейшие заботы. Таким образом противник получил полную свободу действий, которую теперь можно было вырвать у него снова лишь сильной наступательной операцией. Была ли к этому германская армия способна? Еще 2 августа 1918 г. руководящие лица из верховного командования верили этому, как видно из оценки ими обстановки в этот день:

«После ввода крупных сил Антанты между р. Вель и Марной больших наступательных операций противника в других местах в ближайшее время ожидать тем меньше приходится, что противник рассчитывает на контратаку... Позднее противник естественно может повести крупное наступление против всех участков нашего фронта. Наиболее вероятными участками являются (следует перечисление пяти участков).

Организуя здесь оборону, мы одновременно готовимся и к наступлению. Можно было бы предложить:

1. Фландрская операция в малой форме.

2. Наступление «Курфюрста» по обеим сторонам Уазы, почти между Мондидье и Суассоном.

3 и 4...

При этом о наступлении в направлении Амьена не упоминается. Однако и от него пожалуй еще окончательно не отказались.

¹ Монгомери, генерал-майор и начальник штаба 4-й английской армии, История 4-й армии, стр. 17.

² Людендорф, Мои воспоминания о войне, стр. 543.

«Когда майор Ниман, назначенный верховным командованием делегатом для связи к крайзеру, перед отъездом явился к Людендорфу, он спросил: «Должен ли я его величество подготовить к тому, что Вы, Ваше превосходительство, собираетесь приступить к сокращению фронта? Мне кажется, что линия нашего застывшего в наступлении фронта мало пригодна для обороны и требует чрезмерно больших сил». — «Оборона? Я надеюсь, мы сможем продолжать наступление на Амьен, как только войска мало-мальски отдохнут», — гласит ответ генерала. Его сильная воля стойко боролась против надвигавшейся судьбы»¹.

Решающим для таких соображений было мнение верховного командования, что противник в ближайшее время к большому наступлению неспособен. В действительности же генерал Фош уже в конце июня считал свою армию достаточно сильной, чтобы начать общее наступление. В мае приток американцев повысился на 200 000 человек, а в июле уже намного свыше миллиона американских солдат стояло на французской земле. В сражении 18 июля они уже приняли участие своими девятью дивизиями. Их недостаточный боевой опыт компенсировался свежестью нервов и бодрым наступательным духом количественно весьма сильных и прекрасно вооруженных частей.

К концу июля также и английская армия снова настолько оправилась после тяжелых боев в марте и апреле, что она, как об этом говорят реляции маршала Хэга, сделалась вполне боеспособной. И что французы, в особенности после значительного пополнения их армии колониальными войсками, все еще были вполне способны к наступлению, показало 18 июля.

Однако значительное усиление все армии противника получили в лице танков. Армии усердно работали в течение последних восьми месяцев над техническим усовершенствованием этих танков, тактическим применением их, прилагая усилия к увеличению их количества. Этим танкам противник должен быть в первую очередь обязан своими успехами 18 июля. Несмотря на то, что до 40%, а кое-где и сверх 50% этих боевых машин в отдельные дни оказывалось подбитыми на некоторых участках фронта, все же первый решительный прорыв им выполнить удалось. И от этого в первую очередь зависело будущее.

«При общем ликовании всей Антанты после победоносного сражения между Суассоном и Шато-Тьери Франция произвела генерала Фоша в маршалы. 24 июля он созвал в своей штабной квартире командующих всеми английскими, французскими и американскими армиями. Он напомнил им о том, каково было положение, когда 27 марта, 4 месяца назад, под гром германских пушек перед Амьеном в Дуллене собрался большой военный совет союзников. С гордостью он им мог заявить, что теперь уже дело идет о том, чтобы утомленного в своих наступательных операциях противника начать теснить на всех фронтах и окончательно ослабить.

Тогда наступит тот день, близость которого уже ясно намечается, — день генерального наступления с целью окончательного уничтожения противника, освобождения французской и бельгийской земли, день, когда в триумфальном марше понесут союзные знамена за Рейн!»².

И в этот день 24 июля маршал Фош принял то решение, выполнение которого должно было привести к «черному дню германской армии в истории этой войны».

¹ Фон Куль, Мировая война 1914—1918 гг., т. II, стр. 400.

² Беймельбург, Заградительный огонь вокруг Германии, стр. 482.

II. ПЛАН НЕПРИЯТЕЛЬСКОГО НАСТУП- ЛЕНИЯ 8 АВГУСТА И ЕГО ПОДГОТОВКА

Карта 1

8 августа ударом англо-французов должен был начаться ряд изнурительных атак, имевших целью освобождение железной дороги Париж—Амьен, в течение долгого времени обстреливавшейся германской артиллерией. Для этого нужно было достичь линии Морланкур—Мерикур—Гарбоньер—Ганжест-ан-Сантер. После отхода германцев за р. Вель немедленно было приступлено к подготовке второго наступления между Мондидье и Нуайоном. Чтобы создать для него возможно более благоприятную обстановку, 5 августа цели первого наступления были расширены и доведены до линии железной дороги Шольн—Руа.

Главная задача 8 августа выпала на долю 4-й английской армии. Она начала наступление из района, лежащего между р. Анкр у Дернанкур и большой государственной дорогой Амьен—Руа, имея III корпус севернее Соммы, австралийский корпус между Соммой и железной дорогой Амьен—Шольн и канадский корпус на правом фланге. С южным флангом австралийцев и с канадским корпусом должен был взаимодействовать английский (канадский) кавалерийский корпус. Главный удар наносился между Соммой и государственной дорогой. Южнее, до района, что южнее Морейль, 1-я французская армия, которая для этого была подчинена английскому главному командованию, должна была своим находившимся на левом фланге XXXI корпусом примыкать к английской армии¹.

УДАРНЫЕ СИЛЫ¹

4-я английская армия ²	1-я французская армия
III корпус в составе 12-й, 18-й и 58-й дивизий. Австралийский корпус в составе 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й дивизий. Канадский корпус в составе 1-й, 2-й, 3-й и 4-й дивизий. Кавалерийский корпус в составе 1-й, 2-й и 3-й кавдивизий. Артиллерия: 2068 орудий. Танки: 10 батальонов — 360 тяжелых танков и 2 батальона — 96 легких танков; кроме того 16 броневых автомобилей. Авиация: 408 самолетов.	XXXI корпус в составе 42-й, 37-й, 66-й, 153-й и 126-й дивизий. Артиллерия: 616 орудий. Танки: 2 батальона — 90 легких танков. Авиация — 60 самолетов; так как 1-й армии кроме того подчинялась еще воздушная дивизия в составе 600 самолетов, то несомненно, что значительная часть этой дивизии действовала и на участке XXXI арм. корпуса.

Главнейшим фактором, который должен был обуславливать успех атаки, считали ее внезапность для германцев. Соответственно этому и

¹ О задаче примыкавшего с юга к XXXI арм. корпусу IX корпуса — см. на стр. 114.

² См. боевой состав в приложении I.

велись все приготовления с какой только возможно скрытностью и с применением тщательно продуманных мероприятий по прикрытию и введению противника в заблуждение. Французы и англичане использовали все, чему они в этой области научились у германского командования. Им в значительной степени благоприятствовало еще и то обстоятельство, что они располагали хорошо оборудованной сетью железных дорог и неограниченными транспортными средствами, которые позволяли им все перевозки войск и боевых средств произвести непосредственно перед самой атакой в гораздо более короткое время, чем это когда-либо было возможно для германцев. В течение последней недели перед началом наступления в один только район 4-й английской армии было подвезено около 230 различных эшелонов и свыше 60 поездов с боевыми припасами. Лишь конница, легкие бронеавтомобили и часть артиллерии сосредоточивались в исходный для наступления район походным порядком. Помимо этого противник значительно выигрывал, имея подавляющее господство в воздухе. Перед германским наступлением на Шмен-де-Дам 27 мая 1918 г. было невозможно воспрепятствовать неприятельской разведке, так как для этого потребовалось бы значительное увеличение количества действовавших в этом районе германских самолетов. Если бы это было сделано, то противник по этому факту мог бы догадаться о готовящемся наступлении. На амьенском фронте напротив противник уже в течение нескольких месяцев располагал такой многочисленной авиацией, что она без особого труда смогла господствовать над слабыми германскими воздушными силами.

«В предшествовавшие 8 августа недели задачей нашей авиации было завоевание господства над авиацией противника. Это было достигнуто с полным успехом. Количество вылетающих с задачами дальней разведки самолетов противника было ограничено, лишь немногие аппараты перелетали через наш фронт и разведывали лежащую за ним местность. При этом наши зенитные средства и воздушные дозоры истребителей препятствовали и им извлечь из своей разведки какую-либо пользу или причинять нам какой-либо серьезный вред»¹.

Этому соответствуют также и германские воздушные сводки. Например сводка XI арм. корпуса от 4 июля говорит:

«В период времени с 26 июня по 3 июля сделалось возможным произвести первую воздушную фоторазведку, правда отчасти лишь в общих чертах и в небольшом масштабе. Противник создал сильную воздушную завесу над фронтом и перед ним и упорно препятствовал всяким попыткам наших самолетов заглянуть по ту сторону фронта».

Эта последняя фраза регулярно повторялась в последующих недельных сводках, а сводка от 7 августа показывает:

«За время с 1 по 7 августа удалось совершить 37 полетов, из коих лишь 7 — с фотографированием и наблюдением. 2 и 5 августа стояла нелетная погода. В восьми воздушных боях был подбит один наш самолет, и 3 августа один неприятельский самолет был принужден к посадке у Ассевиллер».

Этим бесспорным превосходством в воздухе были достигнуты весьма благоприятные условия для сохранения скрытности всех приготовлений к наступлению. Само собою разумеется, что все связанные с готовящимся наступлением передвижения должны были совершаться исключительно ночью. Днем же многочисленные леса и неразрушенные селения, окруженные садами и живой изгородью, являлись хорошими укры-

¹ Монгомери, стр. 24.

тиями от наблюдения. Сосредоточивавшимся войскам не приходилось двигаться без дорог по местности, так как все эти укрытия повсюду лежали на дорогах; поэтому нигде не возникали предательские колонны. Впрочем весь район сосредоточения противника и так тщательно охранялся его авиацией. Участвовавшая в наступлении артиллерия заняла свои позиции в основном лишь в последние две, самое большее — три ночи. Пристрелка нигде не производилась. Работы по укреплению тыловых позиций продолжались в течение длительного времени.

Таким образом германцы вначале лишь по одному признаку могли предполагать о предстоящем наступлении: это шум от работ по созданию в непосредственной близости от передовой линии фронта складов огнеприпасов и прочих боевых средств. Эти признаки особенно проявляли себя у Виллер-Бретонне, а также на многих других участках фронта перед 2-й армией. Войска доносили о шуме, как будто производимом танками, и позднее бросали высшим штабам резкие упреки, так как штабы эти не верили донесениям с фронта о готовящейся танковой атаке, более того, считали их «химерой» или «нервизностью». Вопреки этому 2-я армия 3 августа указывала, что

«Замеченные войсками движение и шум моторов дают возможность предполагать о готовящейся танковой атаке из района Виллер-Бретонне».

Также и приказ 41-й пехдивизии на этот день содержит в себе аналогичное указание. Правда ни штаб армии не предпринял с своей стороны никаких особых мер, ни командование 41-й пехдивизии не могло сделать для подготовки к отражению танковой атаки больше того, что уже было сделано или что делалось. Повидимому шум моторов, о котором шла речь, услышанный до 6 августа, производился не танками, так как противник благоразумно остерегался так преждевременно подводить их в непосредственную близость к передовой линии фронта.

«Чтобы заглушить шум двигавшихся только по ночам танков, применялись самолеты. В ночь на 7 августа танки по группам были подтянуты на выжидательные позиции, находившиеся около двух или трех миль позади фронта. В ночь на 8 августа они заняли свои исходные позиции около 1000 ярдов позади исходных позиций пехоты... Лишь один непредвиденный случай смог раскрыть сосредоточение танков. Одна рота транспортных танков была сосредоточена в фруктовом саду недалеко от Виллер-Бретонне. 7 августа пополудни в наполненный горячим танк попал снаряд, благодаря чему горячее загорелось. Это привлекло к себе внимание германских артиллеристов, и они открыли по этому фруктовому саду сосредоточенный артиллерийский огонь. Вся рота в составе 25 танков вместе с их грузом была целиком уничтожена¹».

И все-таки несмотря на неприятельское господство в воздухе, несмотря на все примененные противником приемы маскировки и осторожности, один храбрый германский летчик обнаружил движение танков, что должно было бы заставить германское командование призадуматься! В изданной армейской группой кронпринца Рупрехта сводке на 6 августа «Обстановка к 12.00 6 августа» говорится: «Данные разведки: на дороге Элли-Моризель обнаружено около 100 танков»².

¹ Монгомери, стр. 28.

² Вероятно речь идет о приданных 8 августа 153-й пехдивизии 90 танках (стр. 114).

Повидимому это донесение в тот же день дошло до 2-й армии, так как 7 августа этими сведениями уже располагал штаб I арм. корпуса.

«Штаб армии подсмеивался над все время проявлявшейся нервозностью находившихся в окопах частей, как только речь заходила о танках... Но вот в оперативной сводке армейской группы появляются сведения, что один летчик видел на дороге Элли-Моризель колонну около 100 танков. И никаких комментариев! Даже не предлагали усилить бдительности! Мы беспокоились, так как движение 100 танков вряд ли преследует цель увеселительной прогулки. Однако штаб армии сохранял поразительную беззаботность» (записки одного штабного офицера LI арм. корпуса).

Так как до сего времени внутренние фланги 4-й английской и 1-й французской армий твердо стояли южнее Виллер-Бретонне, а канадский корпус находился в районе, лежавшем далеко севернее, необходимо было предпринять крупные передвижения. Они должны были быть увязаны с тщательно продуманными мероприятиями по введению противника в заблуждение. В ночь на 31 июля III английский корпус растянул свой фронт от р. Анкр до Соммы, сменив своими резервами ранее стоявших здесь австралийцев. В следующую ночь 4-я австралийская дивизия приняла от французов участок южнее Виллер-Бретонне до дороги Амьен-Руа, на который и предполагалось поставить канадский корпус. Таким образом фронт 4-й армии был вначале расширен к югу на полные 6 км, в то же время ни один из ее обоих корпусов не получил ни одной свежей дивизии на усиление. Это мероприятие могло и естественно должно было как в английских и австралийских частях, так равно и на германской стороне, коль скоро оно стало здесь известно, вытеснить всякие догадки о готовящемся наступлении 4-й армии.

Канадский корпус был известен как хорошее ударное соединение. Поэтому неприятельское командование, рассчитывая, что германцы будут ожидать наступления на том участке фронта, где появятся канадцы, поставило 2 канадских батальона с одной радиостанцией у Кеммель. Сосредоточение корпусов в исходных для наступления районах началось лишь 4 августа и далеко позади фронта. В ночь на 7 августа канадские части сменили австралийские резервы на их участках фронта, и лишь в полночь с 7 на 8 августа ударные батальоны выдвинулись на свои исходные позиции.

Равным образом и кавкорпус был лишь в последние дни перед наступлением сосредоточен далеко позади фронта, чтобы затем в ночь на 8 августа одним большим скачком достичь района между Каши и Лонжо.

Намеченные мероприятия по введению в заблуждение удались, поскольку германцы, обнаружив канадские части у Кеммель, не заметили движения всего этого корпуса на юг. И все же верховное командование 4 августа указывало на то, что повидимому 2 канадские дивизии, простояв недолго на своих боевых участках, сменены: «Местонахождение требует исключительного внимания... Особая бдительность необходима на фронте 3-й и 4-й английских армий». С другой стороны 1 августа германцы взяли у Селли-Лорет пленных 18-й английской дивизии и 4 августа у Урж (на государственной дороге) пленных 4-й австралийской дивизии. 2-я германская армия подробно знала также и остальной боевой состав III английского и австралийского корпусов. Штаб 2-й германской армии, так же как и штаб фронта и верховное командование, уже раньше оценивал обстановку таким обра-

зом, что армии на своем участке фронта не приходится ожидать большого наступления:

«Англичане на своем южном фланге не введут крупных сил, последние по всей вероятности держатся в готовности в первую очередь за фландрским фронтом и у Арраса» (оценка от 20 июля).

Таким образом это предположение казалось было правдоподобным, особенно потому, что никто из пленных не знал о готовящемся наступлении. Однако 2-я армия по факту сосредоточения австралийцев в районе между реками Соммой и Люс, а равно и из наблюдений у Виллер-Бретонне (стр. 25) заключила, что «вероятность сильной частной атаки у Виллер-Бретонне повысилась». Неприятель блестяще обеспечил скрытность подготовки. Войска узнали о намерении начать наступление лишь незадолго перед вечером 6 августа. Кроме этого к германцам не попало больше ни одного пленного несмотря на то, что 2-я армия все же для этой цели организовывала отдельные небольшие операции на фронте. Повсюду передовые части противника ускользали.

В отношении боеспособности ударных полков канадцы, которые себя уже неоднократно на деле доказали, расценивались выше всех. Однако и австралийцы в течение последнего месяца себя также прекрасно подготовили к наступлению и при наличии довольно значительных успехов безусловно достигли морального превосходства над противником (стр. 39). Так как на эти 2 корпуса ложилась вся тяжесть наступления, то не имело уже особенного значения, что боеспособность дивизий III английского, а пожалуй и XXXI французского корпусов не стояла на такой же высоте. Решительных успехов однако противник надеялся добиться своими танками. Канадскому и австралийскому корпусам было придано по 4 батальона танков, III корпусу — 1 батальон, и последний батальон тяжелых танков был оставлен в распоряжении армии. Конному корпусу были приданы 2 батальона легких танков. Из танковой атаки австралийцев 4 июля у Гамель (стр. 29) были сделаны богатые положительные выводы, и после этого были проведены длительные упражнения по взаимодействию пехоты с танками. Даже удалось сработать все назначенные к атаке батальоны III и австралийского корпусов, а частично и канадского, с танковыми частями, с которыми им во время атаки предстояло взаимодействовать.

Вообще противник на протяжении последних месяцев произвел переоценку наступательных средств. Главную роль стали играть танки, время длительной в течение многих часов огневой подготовки пехотной атаки отошло в область истории. Уже 18 июля французы перешли к тому, что атака пехоты начиналась с первым артиллерийским выстрелом. Это себя оправдало, так как значительные части на линии боевого охранения германцев (более того — иногда даже и на позиции главного сопротивления) оказывались застигнутыми врасплох. Эти уроки 4-я английская армия приказала использовать и в день 8 августа. Начало атаки было назначено на 5 час. 20 мин. После того как танки, стоящие в полной готовности позади своих частей, точно рассчитав свое движение, в 5 час. 20 мин. пройдут линию передовых частей пехоты, вся масса артиллерии должна открыть внезапный огонь, причем около $\frac{1}{3}$ всех орудий должно было создать заградительный огневой вал, а остальные $\frac{2}{3}$ — навалиться огнем на германские артиллерийские позиции, командные пункты, районы сосредоточения, пути подхода резер-

вов, населенные пункты и т. д. Огневой вал должен был поддерживаться в продолжение первых трех минут на передовых германских позициях. В течение этого времени танки и атакующая пехота должны подойти вплотную к огневому валу и следовать непосредственно за ним. (Вал должен был делать скачки вперед по 100 м сначала через 2 мин., затем через 3 мин. и позднее через 4 мин.).

Неприятельское командование было убеждено в успехе атаки, поскольку германцы были действительно захвачены врасплох. Оно имело совершенно ясную картину того, что германцы в численном отношении значительно уступают союзникам и занимают чрезвычайно плохие позиции. Оно знало, что германский солдат в своем боевом напряжении и упорной обороне сильно истощится, и рассчитывало, что он потерял всякую надежду на конечную победу. Господство в воздухе было уже в течение долгого времени обеспечено. Подготовка атаки могущественной артиллерией по всем вероятностям была вполне достаточной, чтобы проложить пехоте свободный путь к наступлению. Если число ударных дивизий здесь ни в какой мере не достигало числа таковых в предыдущих больших наступательных операциях, то все же теперь пехота, в особенности совместно с невиданной до сего времени массой танков, была достаточно сильна, чтобы сломить неожиданно упорное сопротивление. Все подготовительные мероприятия были проведены своевременно и планомерно, благодаря чему внезапность полностью удалась.

«Ничто 7 августа не было более замечательно, чем настроение и величайшее доверие частей всех родов войск. Без преувеличения можно сказать, что эти чувства были настолько сильны, боевой дух был настолько высок, а решимость любой ценой добиться окончательной цели была настолько тверда, что амьенское сражение фактически было выиграно еще до того, как началась атака»¹.

III. БОЙ 2-й ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ ДО 8 АВГУСТА, БОЕВОЕ СОСТОЯНИЕ ЕЕ ВОЙСК И ОБОРУДОВАНИЕ ПОЗИЦИЙ

Карта 1

Атака 8 августа была направлена почти исключительно против 2-й германской армии. Во время «решительного наступления» германцев ее победное движение 4 апреля остановилось на общей линии Альбер-Морейль, совсем близко от столь желанной цели — Амьена. Естественно, что именно здесь англичане и французы ввели в дело почти все свои наличные силы и боевые средства, так как владение важнейшим ж.-д. узлом — Амьеном — играло решающую роль для увязки боевых действий их фронтов севернее и южнее Соммы. «Неприятельское сопротивление оказалось здесь выше наших сил» (Людендорф). Под гром непрекращавшейся канонады многочисленных неприятельских батарей истощенным полкам 2-й армии пришлось устраиваться на своих позициях и укрытиях. Снабжение всей армии, вследствие того что ее тылы про-

¹ Монгомери, стр. 30.

ходили по разрушенным и опустошенным районам прошедшего сражения на Сомме, было чрезвычайно затруднено. Таким образом первые недели после прекращения наступления принесли весьма тяжелые боевые условия. Однако надежда все же позднее взять Амьен еще не была утеряна. Чтобы создать наиболее благоприятные для этого исходные позиции, армия 24 апреля еще раз повела наступление на фронте от района, что севернее Виллер-Бретонне, до леса Зенекат (4 км северо-западнее Морейль) и овладела частью территории. Однако последовавший контрудар показал, что противник уже снова успел сосредоточить свежие силы и отнюдь не имел намерения подвергаться риску потерять дальнейшую территорию. Часть захваченной территории, особенно самое селение Виллер-Бретонне, пришлось снова очистить. В мае боевая деятельность обеих сторон продолжала оставаться чрезвычайно активной; хотя лишь 14 мая противник произвел сильную атаку северо-западнее Морейля, а 19 мая англичане нанесли чувствительный удар у Виль-сюр-Анкр — Морланкур, однако потери армии были все время значительны, доходя в отдельные дни до 500 человек.

После некоторой пассивности в начале июня, обусловленной успехами германцев южнее р. Эн и на Марне, противник с 11 июня перешел к планомерной активной обороне. Предмостные укрепления у Альбер, позиции под Дернанкуром, Морланкуром, по обеим сторонам дороги Корби-Бре и Амьен-Руа, а также тет-де-пон у Морейль являлись целями частых коротких ударов противника (на участках шириною до 4 км).

В дальнейшем обстановка усложнилась. 4 июля противник, введя в дело большое количество танков, повел сильное наступление на фронте от Альбера до района южнее Виллер-Бретонне и южнее Соммы, где наступало 6 батальонов австралийцев при поддержке 60 танков, и достиг значительных успехов. Гамель и возвышенности восточнее и южнее его были потеряны, причем было много убитых, раненых и пленных. Наступательный порыв противника заметно повысился. Уже 12 июля, а затем 23 июля он произвел дальнейшие атаки в районе Морейль. Когда последние в общем также были отбиты, то германское командование все же решило находившиеся там главные силы перебросить обратно на восточный берег р. Авр, оставив здесь на уменьшенном тет-де-поне лишь арьергард, тем более что вопрос об атаке Амьена ютпал. В четвертый раз в течение одного месяца неприятельские дивизии 29 июля наступали между Морланкур и Соммой, прорвав линию боевого охранения на фронте в 3 км. Промежутки между этими атаками были наполнены многочисленными неприятельскими разведывательными операциями и местными атаками частями силою до батальона всегда при поддержке сильной артиллерии и газометов. При этом большую роль сыграли применение нового ОВ, схожего с ОВ желтого креста¹, а также

¹ Германцы в мировую войну ставили на наружной стороне химических снарядов особые марки в виде разного цвета крестов, обозначающих тип ОВ, коим снаряжен данный снаряд. В основном было 3 цвета: синий, зеленый и желтый. Синий крест обозначал снаряды с ОВ чихательного действия (чаще всего применялся дифенилхлорарсин), зеленый крест — отравляющего действия (преимущественно хлорпикрин, не сильно ядовитый, но соединявший в себе свойства лакриматора и вызывавший тошноту; противогазы, защищавшие от хлора и фосгена, не защищали от хлорпикрина) и наконец желтый крест — нарывного действия, так называемый «иприт», или «горчичный газ». — Прим. перев.

авиации, которая непрерывно, днем и ночью, действовала чрезвычайно сильными эскадрильями. Последние атаковали главным образом артиллерийские батареи, резервные и находившиеся на отдыхе батальоны, а также биваки и населенные пункты, занятые нашими штабами и ударными дивизиями, назначенными для контратак. Звучит как будто бы успокоительно, когда говорят: батальон идет на 14 дней на отдых. Однако действительного отдыха войска не находили. Об этом заботилась неприятельская авиация, а зачастую и дальнобойная артиллерия. Иные обстрелянные бойцы охотно сидели бы в окопе на передовой линии, нежели позади на отдыхе. Эти непрерывные ночные воздушные атаки продолжались до тех пор, пока после 29 июля на всем фронте армии южнее Соммы не наступило странное спокойствие. Севернее Соммы напротив наша собственная атака 6 августа привела еще раз к горячим боям, затянувшимся до утра 8 августа (стр. 40—41).

Таким образом передовые дивизии 2-й армии со времени прекращения общего наступления 4 апреля до самого конца июля пережили чрезвычайно тяжелое время. Вряд ли где-либо на другом участке всего Западного фронта, если говорить о периодах позиционной войны, противник на протяжении целых месяцев развивал такую усиленную наступательную, огневую и воздушную деятельность, как на амьенском участке. Поэтому было совершенно естественно, что все части армии, находившиеся долгое время на передовой линии, потеряли свою боевую силу и обороноустойчивость пожалуй в большей степени, чем большинство дивизий, действовавших во Франции и Бельгии (обзор действий этих дивизий в период времени от марта до августа 1918 г. см. в прил. 2).

Само собою разумеется, что эти особенно сильно пострадавшие войска 2-й армии меньше всего были в состоянии бороться с теми мыслями, которые в то время так сильно угнетали каждого германского фронтовика. Перед 21 марта армия и родина еще раз были охвачены большой надеждой на достижение окончательной победы. С каждой дальнейшей атакой, не приводившей к решительному успеху, надежда эта все более и более рассеивалась, и после 18 июля даже у самых стойких людей стали закрадываться опасения, что пожалуй борьба ведется уже лишь за сколько-нибудь сносный конец. Это бесконечно усложнило задачу командования и лишило солдат той базы, опираясь на которую, они охотно переносили все лишения и тяготы войны и беззаветно шли на неслыханные подвиги. Каждый в отдельности наблюдал своими собственными глазами, как изо дня в день таяли ряды лучших бойцов, и каждый отлично понимал, что потери эти невозместимы, ибо все то, что страна присылала на пополнение, было почти сплошь никуда негодное (стр. 36). И изо дня в день самыми различными путями неслись из тыла к фронту мрачные вести о нужде и лишениях, о безнадешном положении и о деятельности внутригосударственных враждебных сил, которые все более открыто стали требовать прекращения войны. Уже больше не вызывало никаких сомнений, что от германских союзников ничего больше ожидать не приходилось; напротив даже требовалась помощь германцев, чтобы предотвратить наихудший исход. Твердое стремление к победе было уже утеряно. Многое было уже не таким, каким оно должно было бы быть. Чтобы дать хоть один пример, приведем здесь сообщение офицера связи одного из штабов полков полевой артиллерии:

В это время были изданы руководящие указания главного командования о подвижном заградительном огне. Дополнения, изданные командными инстанциями до штаба дивизиона включительно, создали из довольно ясного положения такую запутанную систему, что командиры батарей не могли никак в ней разобраться. К чему был весь этот ворох приказов, особых инструкций, планов оборудования позиций, проектов и планов обороны, если это оставалось пустыми воздушными замками, ибо ни один человек не был в состоянии проделать все то, что в них требовалось. Присылались карты, на которых очень красиво были обведены синими линиями запасные позиции, непроходимые долины, запасные огневые позиции артиллерии и т. д. Так же в траве лежали белые полосы в местах, где все эти предметы должны были быть. Но где взять рабочую силу, которая для всего этого потребна? В большинстве все это было сущими пустяками. Однако офицеры и солдаты внутренне страдали от той разницы, которая была между тем, что от них требовали, и тем, что им было по силам сделать. Так постепенно выросло «наплевательское отношение», сделавшееся лучшим союзником готовившегося к атаке противника.

Еще хуже было то, что понималось тогда под понятием «ответственное донесение». Когда я как-то в течение одного дня должен был разведать позиции для 24 батарей, предназначавшихся для усиления, и при всем моем желании успел разыскать лишь половину, то мне сказал адъютант того штаба, которому я должен был дать донесение: «Ну, что же, донесите обо всех. Не имеет уже такого значения, чтобы были позиции, важно, чтобы мы имели донесение!». Я был ошеломлен. Однако вопрос был ясен. Когда штабом действительно необходимо было знать что-либо важное, тогда в приказах стояло: донесения считать ответственными и присылать офицеров. Как раз этого и не было в полученном приказе о производстве разведки артиллерийских позиций».

Возникает вопрос, имело ли командование 2-й армии ясную картину того, что оно могло ожидать от своих войск в случае развития серьезных боев.

Давая боевую оценку своим дивизиям, командование указывало 3 августа: 27-я и 117-я пехдивизии вполне боеспособны;

54-я резервная, 108-я, 41-я, 225-я и 14-я баварская пехдивизии боеспособны лишь в условиях позиционной войны;

13-я, 243-я и 192-я пехдивизии способны выполнять оборонительные задачи лишь на спокойных участках фронта;

43-я резервная, 107-я и 109-я пехдивизии требуют смены.

Таким образом из 13 дивизий сама армия считала 6 дивизий непригодными для крупного сражения; не нужно никакой проверки, чтобы определить, что данная оценка является все-таки не совсем благоприятной. Достаточно ясную картину дают донесения и прочие отзывы с фронта о состоянии дивизий, отмеченных как «боеспособные лишь в условиях позиционной войны», а их состояние вряд ли чем-либо отличалось от дивизий, считавшихся менее боеспособными. Для сравнения приведем более подробную характеристику положения в 41-й, 13-й пехотных и 43-й резервной дивизиях, которая, как увидим, приведет к несколько другой оценке их и послужит критерием для оценки и прочих дивизий.

41-я пехдивизия в течение лишь нескольких дней непрерывных наступательных боев у Арраса в конце марта потеряла не менее 1 500 человек. Еще более высокие потери она понесла в период времени с 4 апреля по 5 июня в районе к западу от Бапом, так что отдых до 4 июля далеко позади фронта оказался для нее действительно необходимым. Когда затем эта дивизия после получения достаточного пополнения и проведения усиленных тактических занятий заняла 10 июля важный участок у Марселье, она имела 644 человека в лазарете и 434 амбулаторных боль-

ных. Это было время, когда распространившийся по всей армии грипп развился до самой высокой степени. Начиная с 15 июля, части этой дивизии уже не могли повысить своего боевого состояния, так как тогда начались непрерывные с большей или меньшей силой неприятельские атаки. 17 июля противник атаковал на всем фронте дивизии, 22 июля произвел атаку на ее центр. Только в одну эту неделю (17—23 июля) дивизия потеряла 15 офицеров и 472 унтер-офицера и солдата. Майор Пихт, командир особо пострадавшего передового батальона 148-го полка, командир известной «ударной группы Пихта», доносил после этой атаки 22 июля:

«При повторении сильной атаки я не могу поручиться, что позиция будет удержана».

Командир полка писал:

«Командиры батальонов серьезно задумываются, сумеют ли они с сильно переутомленными в боях и оборонительных работах войсками при повторных сильных атаках удержать свои позиции. К этому нужно прибавить большой некомплект офицеров и распыление частей на всем широком полковом участке. Так как оборудование позиции только начиналось, то лишь часть ее имела связанные в одну систему окопы, большая же часть занималась отдельными отрядами с большими покрытыми травой и кустарником промежутками между ними, через которые противник, пользуясь этими зарослями, мог наступать. Передовые роты, которые сегодня уже 6-й день пребывали в непрерывной боевой работе, могли быть сменены лишь одинаково истощенными резервными ротами, что однако несколько не улучшало положения».

Командир дивизии еще 22 июля переслал эти донесения командиру XI арм. корпуса со следующим дополнением:

«Благодаря непрерывному участию в боях начиная с 17 июля, благодаря боевой деятельности, значительным потерям и наконец вследствие лишь недавно перенесенной эпидемии гриппа боеспособность войск в последние дни сильно понизилась. Вследствие отсутствия возможности произвести смену возникает опасность дальнейшего быстрого расстройств сил. Дивизия просит сузить протяжение ее фронта, который сейчас на линии главного сопротивления тянется на 5 000 м против 3 100 м, занимаемых 13-й пехдивизией. Понесший большие потери в последних боях 2/148-й пехполк обороняет фронт в 360 м, имея всего 60 штыков».

На следующий день командование корпуса ответило:

«Если не начнутся новые активные действия, дивизия будет в состоянии свое положение на участке снова закрепить. Занимаемый дивизией участок по сравнению с соседней дивизией соответствует ее боевому составу. 13-я пехдивизия еще не в состоянии занять часть фронта 41-й пехдивизии. Если обстановка не изменится, дивизия будет, как раньше, усилена не меньше, чем одним батальоном из ударных дивизий второй линии. Армейское командование принимает меры к усилению артиллерией».

Таким образом корпусное командование после короткого удара противника 22 июля на фронте почти всего лишь одного батальона 41-й пехдивизии считало, что «положение на участке дивизии снова укреплится, если не начнутся новые активные действия». Что же можно после этого потребовать от нее, если на нее будет направлен сильный удар в наступлении большого масштаба? Не обнаруживается ли здесь явное противоречие с оценок, данной 3 августа командованием армии, считавшим дивизию «боеспособной для позиционной войны». А ведь к этому

времени дивизия имела еще дополнительные потери (свыше 200 человек), и батальон насчитывал в своих рядах (без пулеметных рот):

в 18-м пехполку	255	штыков
» 148 »	»	286 »
» 152 »	»	404 »

Полное представление о положении и моральном состоянии пехоты можно получить из данных, основанных на письмах и дневнике закаленного в боях и пользовавшегося в своем полку большим уважением командира III/148-го пехполка капитана Мейснера:

«Наше моральное состояние было подавлено, мы знали, что стоим на потерянных местах. Войска уже выбились из сил, передовая линия была занята такими слабыми частями, что какая-либо серьезная оборона казалась невозможной. Теперь мне снова была подчинена моя старая 7-я рота, которая уже 17 дней провела в непрерывном бою без смены, понесла большие потери. Все офицеры и солдаты выглядели ужасно. Каждый день мы ожидали атаки. Позади нас не было никаких резервов. Противник был в 10 раз сильнее нас. Непрерывное лежание под сильным артиллерийским огнем изматывало нервы до последней степени. На всех фронтах мы уже достаточно привыкли к этому железному граду. Однако этот огонь порою ослаблялся, а иногда и совсем прекращался. Но в этих глиняных норах у Виллер-Бретонне мы были под непрерывным ливнем из снарядов всех типов и калибров. На эту грандиозную массу сыпавшихся на наши головы снарядов наша артиллерия отвечала так скромно, что мы на передовых позициях ощущали мучительное чувство, будто мы одни на поле боя. А позади оправдывались тем, что необходимо было беречь снаряды. Это было понятно тому, кто хоть раз наблюдал, с какой яростью и остревением самолеты противника нападали на каждый обнаруженный ими склад огнеприпасов, который, будучи атакован, большей частью взрывался с такой быстротой, с какой спускались на землю наши аэростаты. Действия наших летчиков нам приходилось редко видеть. Также и в воздухе противник безусловно имел десятикратное превосходство. Он забрасывал нас также всякого рода листовками, которые должны были разложить наших солдат, иногда с требованием: «41-й пехдивизии. Сменяйтесь, иначе мы вас сменим!»

Это все были «приятные» вещи, благодаря которым действительно нельзя было поднять наш моральный дух».

Дополним эту картину рассказом командира II/148-го пехполка майора Вюртца, который с самого начала войны почти непрерывно сражался на передовых позициях:

«За последние почти 5 недель тяжелой борьбы на этих позициях войска ни разу не имели отдыха. Почти непрерывно дни и ночи позиция и лежащая между окопами и позади них местность бомбардировалась более или менее сильным огнем артиллерии всех калибров. К тому же занимавшиеся позиции не предоставляли войскам по существу никакого укрытия; были отдельные не защищенные (от артиллерийского огня, убежища, но не было блиндажей. О какой-либо сплошной позиции вообще не могло быть и речи. Она состояла из отдельных не связанных между собой участков окопов, вырытых по пояс, а на некоторых участках — по грудь. Зачастую днем можно было передвигаться лишь ползком. Кое-где торчали столбы, от которых в ту или другую сторону тянулись отдельные куски проволоки. Не было ни одного целого ряда проволочных заграждений».

Почти буквально то же говорят доклады прочих полков 41-й пехдивизии, а равно и остальных четырех дивизий, которые расценивались командованием, как указано выше, наравне с 41-й. Лишь 108-я пехдивизия была в несколько более благоприятном состоянии, так как она до 6 августа не занимала участка на фронте. Зато она до этого в непрерыв-

ных боях с 29 апреля по 10 июля севернее и южнее Римского шоссе пережила очень тяжелое время, о котором дневник лейтенанта 97-го пехполка Лидинга говорит следующее:

«16. 5. 18. Сегодня в 12 часов ночи 1/97-го пехполка выдвинулся на передовую линию западнее Марселькав. Командный пункт нашего командира батальона расположился в снарядной воронке. Местность — совершенно открытая, просматривается противником и обстреливается его пулеметами. Поэтому днем мы не можем производить никаких движений, так как не хотим обнаружить противнику наш командный пункт и вызвать по нему неприятельский артиллерийский огонь. Наши роты лежат на небольших участках окопов, в снарядных воронках и незначительных ямах, в 350 м впереди командного пункта.

17. 5. 18. Продолжительный сильный артиллерийский огонь англичан. Передовые части имеют очень хмурый вид. Боевой состав еще больше растаял, в ротах осталось по 25—30 штыков.

18. 5. 18. Рано утром с 2 до 5 часов англичане отравляли газами всю местность. Воронка нашего командного пункта сплошь наполнилась газами. Мы успели предварительно надеть противогазы. С наступлением рассвета артиллерийский огонь начал уменьшаться. Мы получили возможность снять противогазы. Рано утром возле нас разорвались 2 тяжелых снаряда и набросали в нашу яму много земли.

19. 5. 18. Количество неприятельских самолетов возросло до невероятных размеров. Зачастую в воздухе бывает 50—80 самолетов. Ежедневно над нами происходят воздушные бои. Германские летчики несмотря на превосходство противника принимают бой и сбили много самолетов.

20. 5. 18. Часто на нашем боевом участке становится, как в аду.

21. 5. 18. Нас сменили. После 5 дней лежания в снарядных воронках под артиллерийским огнем и газами наступило несколько дней отдыха. Часто и здесь неприятель бомбардирует нас с воздуха и обстреливает артиллерийским огнем.

26. 5. 18. Сегодня ночью мой батальон сменил в Марселькав III батальон на участке выжидательной позиции. Мы расположились в погребах разрушенных артиллерийским огнем домов.

27. 5. 18. Противник часто совершает на нас артиллерийские нападения. В 8 часов утра один снаряд попал в соседний дом. Несколько человек убито, ранено и засыпано землей. Марселькав представляет собой одну лишь сплошную грудку развалин.

31. 5. 18. Сегодня ночью мы должны снова сменить III батальон на его боевом участке, снова мы идем в ад. Сегодня полудни англичане произвели на нас сильное химическое нападение тяжелыми химическими минами. Все погреба были заражены.

1. 6. 18. В 1 час ночи батальон выступил из Марселькав на новый боевой участок. В пути мы понесли большие потери от неприятельского шрапнельного обстрела. Расположение для солдат, а также и для нас такое же скверное, как и на прежних позициях.

2. 6. 18. До обеда спокойно. Вечером весьма интенсивный артиллерийский огонь. Густые газовые волны все время стелются к нам и через нас дальше.

3. 6. 18. Ударные группы лейтенанта Гартмана и лейтенанта Рокенберга шли в короткую атаку. Наша артиллерия вела в течение получаса ураганный огонь по неприятельской позиции. Однако он оказался недостаточным. Лейтенант Рокенберг и 2 солдата убиты, почти все остальные ранены.

5. 6. 18. С появлением первых лучей солнца противник систематически каждые 30 минут открывает по нашему командному пункту артиллерийский огонь шрапнельными и специально блиндажными снарядами. Кажется англичане полагают, что мы здесь имеем глубокие убежища.

6. 6. 18. Сегодня ночью нас сменил на боевом участке III батальон.

1. 7. 18. Я был несколько недель в отпуску. Снова я в своем батальоне на боевом участке. В 1 час я ходил с одним посыльным вперед, в роту. В 4 часа мы снова возвратились на наш командный пункт. Кто незнаком с здешней разрушенной и расстрелянной местностью, может легко забрести в английские окопы. Наши солдаты выглядят худыми и истощенными. Наши

слабая часть становится с каждым днем все меньше. Особый газ и артиллерийский огонь породили странную окопную болезнь, которая сделала многих бойцов почти небоеспособными (Грипп—Ред). С 3 до 5 часов велся сильный артиллерийский огонь правее железной дороги.

В перерывах артиллерийского огня был произведен внезапный газометный обстрел из трех газометных батарей противника.

4.7.18. С наступлением вечера стало довольно спокойно. Сегодня ночью англичане ворвались в расположение 13-й пехдивизии. С 4 до 6 часов весь наш участок находился под сильным артиллерийском огнем противника. В двух ротах остался всего лишь один офицер, прочими ротами командует фельдфебель.

6.7.18. Сегодня в непосредственной близости от нашего командного пункта легло 40 снарядов средних калибров. Во время разрывов силой воздуха мы были снова контужены. Уже 2 дня мы не получаем ни пищи, ни питья.

7.7.18. Немногие оставшиеся из моего батальона в живых сегодня ночью сменены II/97-го пехполка. При отходе мы понесли еще потери.

8.7.18. Мы стоим лагерем в Любекере. В 1 час ночи нас подняли по тревоге и передали 26-й пехбригаде в качестве батальона поддержки.

13-я пехдивизия во время «большого сражения» была наиболее сильным соединением 2-й армии. Будучи введена в дело 26 марта с целью развития наступления на Мольт-Морланкур, она до 12 апреля потеряла главную массу своих лучших бойцов. Это было особенно чувствительно, так как осенью 1917 г. эта дивизия, почти целиком разбитая под Лаффо-Экс, должна была с большими трудностями восстанавливать и сколачивать свои полки. И все же 22 апреля ее снова ввели в бой, чтобы 2 дня спустя вести наступление на участке Морейль (лес Зенекат-Гель, стр. 29). Здесь она после нескольких тяжелых недель, сопровождавшихся большими потерями, встретила 14 мая сильную контратаку (стр. 29), после успешного отражения которой безусловно должна была быть сменена 16 мая. Сначала она стояла недалеко от фронта, предназначенная для контрудара, затем с начала июня была отведена в этапный район на полный отдых и тактические занятия, лишь после чего 2 июля была снова введена в дело на участке южнее Гамель и до района, что к северу от Римского шоссе, где она двумя днями позднее подверглась танковой атаке австралийцев. Снова она понесла очень большие потери¹ и одновременно потеряла важную местность и с большим трудом оборудованные позиции.

11 июля командир дивизии доносит:

«Тяжелый бой 4 июля, огромные потери в последующие дни, постоянное боевое напряжение на неустроенных позициях, нерегулярное снабжение продовольствием и водой, частое пребывание в отравленной газами атмосфере в грипп — все это сильно снизило боеспособность войск. Больше всех пострадал 13-й пехполк; особенно дает себя чувствовать убыль офицеров».

25 июля общее количество больных гриппом все еще достигало 442 человек; 1 августа батальоны (без пулеметных рот) имели следующий боевой состав:

в 13-м пехполку	— по	268	штыков
» 15 »	»	»	276
» 55 »	»	»	309

В этот день дивизия получила пополнение в 600 человек — минимум того, что требовалось; однако командир дивизии вынужден был доне-

¹ Например II/15-го пехполка потерял 5 офицеров и 251 унтерофицеров и солдат, III/55-го пехполка был почти целиком захвачен в плен.

сти, что влнтне пополнения в части может иметь место лишь после вывода их снова на отдых. Объяснение этому можно найти в докладе подполковника 15-го пехполка Бергауза, который привез это пополнение в дивизию:

«В последние дни моего июльского отпуска я получил телеграмму: немедленно явиться в Минден и повести из лагеря Штаумюле пополнение на фронт. Почему не назначили ни одного офицера из этого лагеря или из запасного батальона? Прибыв в Штаумюле, я узнал, что случилось. Дисциплина пала. Люди бродили с только что полученными вещами по лежащим вокруг лагеря деревьям, чтобы обменивать обувь и прочие редкие тогда вещи на масло и другие продукты. На поверках постоянно было много отсутствующих, которые больше уже не показывались. Наконец сколотили отряд в 600 человек. При отъезде комендант лагеря обратился к отбывающим солдатам с речью, закончив ее возгласом в честь императора. Лишь немногие солдаты ответили криком «ура». Прочие кричали; «Музыку! Мармелад!». Мне стало еще яснее, почему ни одному из офицеров лагеря не поручили вести пополнение на фронт; очевидно полагали, что старый фронтовик сумеет лучше обходиться с этими людьми. Это были частично бывшие раненые с Западного фронта, это были лучшие, однако в числе пополнения было много таких, которые провели долгое время в России или работали до сего времени в тылу на фабриках и теперь вынуждены менять свои безопасные места, на которых они к тому же зарабатывали большие деньги, на окопы на Западном фронте. Несомненно среди пополнения были и brave солдаты, но также были многие, которые не заслуживали звания солдата. Вот мы отправились на станцию Зеннелагер. Впереди шел оркестр, который уже столько раз спасал положение и равным образом здесь вначале действовал ободряюще. Уже на этом коротком марше обнаружилась усталость. Когда мы проходили между бараками Зеннелагер, из колонны раздался частые выстрелы в воздух. Мне удалось поймать одного из стрелявших; он очень весело реагировал на мою угрозу арестовать его. Однако я ему тогда не доставил этого удовольствия. Поезд был небольшого состава. В мирное время его было бы вполне достаточно. Но «господа» хотели ехать с комфортом. Так как нам предстоял довольно длительный путь, я начал хлопотать о добавлении вагонов. Само собою разумеется, солдаты зашумели, почему для начальника эшелона и остальных трех офицеров дали вагон 2-го класса. Наконец удалось закончить погрузку; однако когда состав тронулся, часть людей усеяла подножки вагонов, несмотря на то что офицеры и унтер-офицеры принимали все меры к тому, чтобы водворить строгий порядок. Один человек даже забрался на крышу вагона; при пересечении дороги Падерборн-Зеннелагер он налетел на электрический провод и замертво свалился на землю. На дальнейшем пути еще один человек попал под колеса проходившего мимо паровоза. В Падерборн нас ожидала первая пища и злое приключение. Адъютант коменданта станции за неотдание чести арестовал одного солдата. Другие несмотря на охрану освободили его. Тотчас же возникла острая полемика между этим офицером и 30—40 солдатами из моего эшелона, которую мне в конце концов удалось уладить. Во время проезда через индустриальный район в воскресенье после обеда дезертировало еще несколько человек, преимущественно в момент отправления поезда. Во время остановок гражданская публика смешивалась с солдатами, чтобы попрощаться со своими родственниками, однако больше всего, чтобы склонить солдат к дезертирству. На станции Гаспе я увидел, как один человек, как раз в тот момент, когда поезд трогался, с ранцем в руках прыгнул с поезда: В один момент я очутился возле него и стал указывать ему на весь позор его поступка; он застыдился и поехал дальше. На пути через Германию мы оставили 34 человека из нашего эшелона. Это был самый горький час моей четырехлетней боевой службы, когда я должен был докладывать командиру дивизии, что по пути 34 человека дезертировало и 2 убито. Однако начальник штаба утешил меня и даже удивился, что я потерял так мало народа».

Такое же серьезное положение рисует обстоятельный служебный доклад командира 58-го полка легкой артиллерии от 6 августа, в котором между прочим говорится:

«Полк окончательно измучился в боях..., так что с вероятностью можно ожидать полное падение боеспособности... Офицеры уже не могут оказывать своего оживляющего влияния на солдат. Состояние конского состава таково, что полк в настоящее время совершенно неспособен к передвижениям.

Я вынужден сняты с себя всякую ответственность за полное разложение полка при дальнейшем оставлении его на позиции».

Может ли считаться неосновательным, что командиры пехотных полков с большим опасением ожидали атаки противника, если даже артиллерия, которая все же не имеет такого тесного соприкосновения с противником, как пехотные батальоны, и та должна была считаться с возможностью полной потери боеспособности? Однако никаких других соединений для смены не было. Попытки усилить свой фронт и достичь более быстро и планомерно должной обороноспособности командование 2-й армии предпринимало неоднократно. Так 21 июля оно просило командование армейской группы кронпринца Рупрехта дать 1 штаб-батальон, 6 пехдивизий, 4 полка легкой и 16 батальонов тяжелой артиллерии. После этого было обещано дать от 3 до 4 дивизий, из коих однако лишь одна была в состоянии, допускавшем ее немедленное введение в дело. И действительно из пехотных частей армии была подведена 30 июля 27-я пехдивизия и в начале августа 117-я пехдивизия. Обе эти дивизии достаточно отдохнули и пополнились, так что ими можно было тотчас же сменить нуждавшиеся в смене части и особенно наиболее пострадавшие 107-ю и 109-ю пехдивизии. Для замены третьей дивизии, которую считали наиболее нуждающейся в смене, именно 43-й рез. дивизии, командование вынуждено было взять 108-ю пехдивизию, находившуюся в наиболее благоприятном состоянии. Однако судьбе было угодно, чтобы атака противника 8 августа как раз совпала со сменой 43-й рез. дивизии (стр. 53—54).

43-я рез. дивизия, начиная с 16 июня, непрерывно занимала боевой участок по обеим сторонам р. Соммы. Не требуется никаких особых доказательств тому, что ее части в этой длившейся более 50 дней напряженной боевой обстановке должны были быть изнурены до последней степени. Особенно дивизия пострадала от танковой атаки австралийцев и англичан 4 июля (стр. 29), во время которой она наряду с огромнейшими потерями убитыми и ранеными потеряла целиком 2 батальона пленными. Необходимость устройства новых позиций южнее Соммы, продолжавшиеся неприятельские атаки между 7 и 11 июля, а также сильная высокая убыль как раз в это время больных гриппом — все это потребовало от слабых частей дивизии проявления нечеловеческих усилий. Уже 11 июля командир дивизии доносил: «За успешное отпирание сильной атаки поручиться нельзя». Однако о смене нельзя было и думать, так как ее не позволяли произвести непрекращавшиеся огонь артиллерии, химические атаки и воздушные бомбардировки. Как и можно было предвидеть, атаку противника 29 июля полностью отразить не удалось (стр. 29).

И 6 августа дивизия имела общие потери 65 офицеров и 2027 унтер-офицеров и рядовых. Боевой состав пехбатальонов (без пулеметных рот) был на 1 августа:

в 201-м резпехполку	по	183	штыка
» 202 »	»	» 155	»
» 203 »	»	» 165	»

Прибывшее в этот день пополнение в 565 человек можно было вывести на фронт лишь после основательного обучения и после того, как оно переварилось среди остатков старых обстрелянных солдат. 5 или 6 полученных артиллерийских орудий из-за недостатка личного состава не могли быть обслужены. Дивизия была в состоянии худшем, чем определение «нуждается в смене».

В общем нужно сказать, что из подвергшихся атаке 8 августа пехотных дивизий 2-й армии в отношении боевого состава и морального состояния оборонеспособными были лишь 27-я и 117-я пехдивизии, да пожалуй еще 108-я пехдивизия, а из трех дивизий, предназначенных для контрудара, боеспособной не была ни одна.

Людендорф говорит в своих воспоминаниях:

«В этом спорном выдающемся районе дивизионные участки были узки, дивизии были хорошо снабжены артиллерией и занимали глубокое расположение... В отношении укрепления позиций здесь не было сделано так много как например, в 18-й армии, хотя последняя расположилась на них позднее».

Правда, дивизии занимали на фронте участки шириною в среднем до 4 км. Такие узкие участки вряд ли занимали где-либо другие дивизии Западного фронта. И все же это обстоятельство не может опровергнуть тот факт, что вследствие большого некомплекта в пехотных частях плотность войск на отдельных участках была чрезвычайно низка. В одном точном расчете, представленном командованием XI арм. корпуса в штаб армии 31 июля, указывалось, что на 1 км фронта на линии боевого охранения было 83 чел., на линии главного сопротивления (включая и вторые эшелоны) 275 чел., в тыловых укреплениях — 142 чел., следовательно в районе, имевшем 1 км по фронту и около 4 км в глубину, было (включая прислугу пулеметов и минометов) — 500 чел. Из этого количества на ночь выделялись еще люди для доставки огнеприпасов и пищи. Таким образом было возможно дивизионный участок шириною 4 км занять на всю глубину 2000 чел., в то время как практически требовалось 4000. Правда, в этот средний расчет живой силы пехоты, занимавшей окопы, вошла и самая слабая во всей армии 43-я рез. дивизия. Однако в других дивизиях, не считая вновь приданных 27-й и 117-й пехдивизий, плотность не доходила до 4000 чел.

В отношении снабжения артиллерией 2-й армии главное командование несомненно сделало все, что только могло. Однако для обороны в крупном сражении конечно этого было далеко недостаточно. Никто также не мог рассчитывать, что действия артиллерии 8 августа будут в значительной степени исключены.

Указание Людендорфа на недостаточное укрепление позиций требует пояснений. Действительно оборонительные сооружения 2-й армии на участке, где противник 8 августа атаковал, были весьма недостаточные. Однако причина этого заключалась не только в том, что войска недостаточно работали по укреплению в сравнении с 81-й армией. При превосходстве противника в отношении артиллерии и авиации, равно как и при открытой и хорошо наблюдаемой им местности, работать можно было только по ночам и кроме того при большом некомплекте в частях и большой усталости войск работы невозможно было производить быстрым темпом; помимо всего этого большую половину позиций, захва-

¹ Людендорф. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. II, русский перевод, ВВРС, 1924 г., стр. 237.— Прим. перев.

ченых до 24 апреля, к 8 августа 2-я армия уже не занимала (см. карту 1). Драгоценнейшее время и огромное количество сил и труда были израсходованы на те оборонительные укрепления, которые противник сильными атаками успел захватить в июле (4, 12, 23, 29 июля) или которые были согласно приказа оставлены без боя.

Австралийцы начали совершать ряд нападений на германское расположение. Нападения эти оказали серьезнейшее влияние на последующие операции. Эти мелкие предприятия (их было около 14 в мае и июне) имели ободряющие последствия. Они не только приносили нам систематическое улучшение конфигурации наших позиций, не только давали нам многочисленных пленных, но они обеспечили нам достижение морального превосходства над германцами. Как только германцы вырывали окопы и устанавливали проволочные заграждения, австралийцы тотчас же внезапной атакой их захватывали и отражали все попытки германцев возвратиться им обратно. Таким образом германцы были вынуждены всю их работу начинать сначала и приступать к укреплению нового фронта. Однако и последний через короткое время переходит в руки австралийцев.

В конце июня положение настолько улучшилось, что австралийцы получили возможность организовать операцию на более широком фронте. Целью этой операции был захват обратно Гамеля, Буа-де-Бер и лежащих к востоку от него важных высот. Одновременно это предприятие имело целью не только испытание крепости германских оборонительных сооружений, но и прощупывание степени морального состояния германцев, относительно которого уже имелись весьма существенные симптомы вероятного понижения¹⁾.

Все, что здесь сказано о влиянии атаки на укрепление германских позиций только на участке австралийцев, имело место также и в атаках англичан и французов севернее Соммы 29 июля и в районе Морейль 12 и 13 июля.

Совсем в другой плоскости будет лежать вопрос о том, не задерживалось ли оборудование глубоко эшелонированных оборонительных зон уже с конца апреля, выжиданием возможности все же еще раз возобновить наступление на Амьен. Если бы тогда например немедленно приступили к оборудованию хорошо укрепленной, тыловой оборонительной зоны позади оборудуемых окопов дивизий первой линии, то войска могли бы при успехе местных атак противника совершенно свободно отойти на готовые тыловые позиции. Что дивизии первой линии, а также и ударные дивизии второй линии были не в состоянии выполнить эти работы, не подлежит сомнению. Для этого потребовались бы многочисленные рабочие части, но имелись ли тогда таковые в наличии, сейчас это проверить невозможно. Кроме того оборудование путей подвоза, устройство отведенных на отдых войск в населенных пунктах, а также многое другое в пустынных районах после сражения на Сомме потребовали огромных работ.

Во всяком случае на участке 2-й армии 8 августа не были оборудованы ни основные позиции, ни тыловая оборонительная зона. Дивизии первой линии должны были сражаться на полосах глубиной в 3—4 км, составлявших главную линию сопротивления. Но даже и она во многих местах не была соответственно оборудована. Почти нигде не было достаточно сильных препятствий, а также не было достаточного числа убежищ как на самих позициях, так и непосредственно позади них. Намеченные позади артиллерийские запасные огневые позиции значились

¹⁾ Монгомери, стр. 5 и 6. 1

лишь на бумаге. Задолго до наступления противник своими предшествующими атаками путем аэрофотосъемок и из прочих разведывательных данных составил себе полную картину системы германских оборонительных сооружений.

«Передовая сеть германских позиций состояла из наспех вырытых окопов и нескольких ходов сообщения; сильных опорных пунктов не было. Позади находились лишь наши старые «амьенские оборонительные укрепления» периода 1915 и 1916 г.... Далее на восток до самой Соммы не было вовсе никакой упорядоченной системы оборонительных позиций. Было совершенно ясно, что противник упустил возможность путем дальнейшего рытья окопов укрепить свои позиции»¹.

Напрасно стали бы искать в истории позиционной войны на Западном фронте примера, где противник хотя бы приблизительно находился в таких неблагоприятных условиях перед большим сражением, как 2-я армия перед 8 августа. Пожалуй в первую очередь можно было бы взять положение англо-французов у Шмен-де-Дам перед 27 мая 1918 г., потому что и здесь на фронте и позади него находились лишь слабые и частично изнуренные в боях части, и здесь подготовка германцев к наступлению по крайней мере до последних дней сохранилась в тайне. Однако насколько сильнее были подлежащие атаке позиции! Здесь протекали р. Элетт и канал, соединявший реки Уазу и Эн, представлявшие собой естественные препятствия перед крутыми, густо поросшими лесом скалами горного хребта, здесь была отличная сеть позиций, сильно укрепленных проволокой от р. Элетт до южного берега р. Эн. Обороняющийся повсюду имел хорошие укрытия от огня, какими являлись большие пещеры. Германцы почти нигде не располагали танками для прорыва. Однако благодаря предательству французские резервные дивизии уже ночью были выдвинуты на угрожаемые участки фронта, как только германские ударные дивизии стали занимать свои исходные позиции для атаки. И несмотря на это германская атака в первый день повсюду имела успех, германцам удалось продвинуться вперед на широком фронте и нанести главной массе англо-французских войск такое поражение, что им не удалось прочно остановиться ни на р. Эн, ни на р. Вель.

Тогда судьба в высшей степени благоприятствовала германскому оружию. Теперь она встала перед ним угрожающе и неумолимо.

IV. 6 И 7 АВГУСТА СЕВЕРНЕЕ СОММЫ. НОЧЬ НА 8 АВГУСТА

Карта 2

Незадолго до «черного дня» 2-й армии еще раз суждено было добиться успеха. Как выше уже было сказано, истощенные части 107-й пехдивизии и северного фланга 43-й рез. дивизии 29 июля потеряли боевое охранение перед своими позициями на участке к западу от Морланкур до 1 км севернее Селли-Лорет. Так как вследствие отсутствия достаточных сил произвести немедленную контратаку тогда было не-

¹ Монгомери, стр. 15 и 16.